

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 16

1971

Олег ИГНАТЬЕВ

НА ЗАПАДЕ ОТ ЗАМБЕЗИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16

Олег ИГНАТЬЕВ

НА ЗАПАДЕ ОТ ЗАМБЕЗИ

(Из Ангольского дневника)

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1971

Олег ИГНАТЬЕВ

Олег Константинович Игнатъев — журналист-международник. Родился в 1924 году. Во время Отечественной войны служил минером на Черноморском флоте. После войны окончил Московский государственный институт международных отношений. Работал в иностранном отделе «Комсомольской правды», затем несколько лет был на дипломатической работе. В 1959 году вернулся в «Комсомольскую правду» членом редколлегии по иностранному отделу. С 1964 года — обозреватель отдела американских стран газеты «Правда». Многие годы был корреспондентом «Комсомольской правды» и АПН в странах Латинской Америки.

В последние годы неоднократно бывал во Вьетнаме, у партизан Гвинеи (Бисау), давал репортажи и очерки из Освобожденных районов Лаоса, Анголы и Мозамбика.

Первая книга, «Аргентина и аргентинцы», вышла в 1958 году. После вышли еще девять книг: очерки, рассказы, документальные и исторические повести. В их числе «Амазонка глазами москвича», «Тирантис», «Сын джунглей Игуасу», «Горячие точки».

Лауреат премии Союза журналистов СССР за 1970 год.

Эта книжка — результат поездки в партизанские районы Анголы летом 1970 года.

Нет возможности остановиться. Нужно идти и идти вперед. Там, на востоке, осталась граница с Замбией. Мы пересекли ее и уже четвертый час шагали по земле Анголы. Когда нужно двигаться без лишнего шума, когда курить можно только на привалах и от размеренной ходьбы чуточку начинают деревенеть ноги, тогда лучше всего на ходу отдаться мыслям и воспоминаниям. Так легче.

Я стремился увидеть эту страну десять минувших лет. С того самого дня, когда португальский капитан Энрике Галвао, бросив вызов режиму Салазара, захватил корабль «Санта-Мария». Именно в то время, когда он взял курс на столицу Анголы — Луанду и там вспыхнуло восстание, многие из нас впервые услышали об МПЛА (Народном движении за освобождение Анголы). 4 февраля 1961 года восставшие штурмовали казармы и тюрьмы Луанды, но через двое суток патриотов смяли.

Кое-кто был склонен считать события в Луанде лишь эхом операции на «Санта-Марии». Но корабль бунтаря и романтика Энрике Галвао встал на прикол у причала истории, а борьба за освобождение Анголы от португальских колонизаторов набирала силу. Создавались новые партизанские отряды, и, несмотря на отчаянные усилия лиссабонских властей, чаша весов успеха с каждым годом все больше склонялась в сторону МПЛА.

...Пятьдесят человек шли по выжженному лесу. Мертвые деревья тихонько покачивались от порывов ветра, роняя обгорелые ветви на покрытую пеплом землю. Все птицы улетели далеко из этих мест, и тишину нарушал только скрипящий стон обугленных стволов да глухой звук шагов идущих по пожарищу людей.

Пятьдесят человек двигались в глубь страны. Пятеро были гостями. Кинооператоры Центральной студии документальных фильмов Юрий Егоров и Владимир Комаров, журналисты Павел Михалев, Анатолий Никаноров и автор этих строк направлялись в освобожденные районы Анголы.

Мы шли с одним из партизанских отрядов МПЛА тропой войны, чтобы снять документальный фильм об ангольских пат-

риотах, чтобы на страницах наших газет рассказать об увиденном.

Ангола — страна большая. Более миллиона двухсот тысяч квадратных километров. Одна из самых крупных в Черной Африке. Мы увидели лишь маленький уголок ее. В Анголе шесть с лишним миллионов жителей. Мы познакомились с двумя-тремя сотнями их. Поэтому публикуемые странички из дневника не претендуют на всеобъемлющий показ борьбы и жизни народа Анголы. Это всего лишь путевые записки одного из пяти советских людей, первыми побывавших в партизанских районах восточной части Анголы.

ЗАВТРА В ПОХОД

8 июля.

День прошел в напряженной подготовке. Завтра вечером за нами придет «ленд-ровер», на котором отправимся в путь, к границе. Утром состоялась последняя встреча с двумя представителями руководства МПЛА Даниэлем Чипенда и Ико Каррейра.

Товарищ Ико разложил на столе крупномасштабную карту Анголы и рассказал о положении в стране, о том, как развивается борьба на отдельных участках. В общей сложности около трети всей территории Анголы (примерно 400 тысяч квадратных километров) находится под эффективным контролем МПЛА. Нам предстояло посетить зону «Б» III района. Если взглянуть на карту Анголы, то зону «Б» нужно искать на востоке страны, как раз в том выступе, который граничит с Замбией, а на севере — с Конго (Киншаса).

Посмотрел записи, захваченные из Москвы. О том районе Анголы, где предстоит побывать, сведения очень скудные. Нашел лишь выписку из книги Энрике Галвао и Карлоса Селважем «Заморская империя Португалии», изданной в 1952 году в Лиссабоне. Всего на территории зоны «Б» в 1950 году имелось 102 населенных пункта с 65 828 жителями, 4 санитарных поста для белого населения, 16 католических миссий, одна протестантская миссия на реке Кавундо, 2 английские протестантские миссии — в Калунде и Касомбе. Основные негритянские племена — луена и лунда. Население занимается охотой, рыбной ловлей, выращиванием риса, кукурузы, маниоки, батата, фасоли. Добывается мед и воск.

Вот практически и все сведения...

ВПЕРЕД, К ГРАНИЦЕ

10 июля.

Выезд был назначен на полночь. Сначала пришел большой грузовик «мерседес», на который быстро погрузили почти всю аппаратуру операторов. Затем уселись в подъехавший «ленд-ровер». Он должен довезти нас до самой границы. С нами ехал среднего роста мужчина в куртке на «молнии», в черном берете с эмблемой МПЛА. Лицо его обрамляла небольшая курчавая борода... Это был Спартак Мониамбу — один из членов руководства МПЛА. Он будет сопровождать нас до конца путешествия.

Кроме Мониамбу, в нашу машину село еще несколько ангольских товарищей. Уже перед самым выездом, когда народу в кузове набилось как сельдей в бочке, еще кто-то снаружи, отстегнув брезент, сделал попытку присоединиться к пассажирам. Анатолий Никаноров недовольно пробурчал: «Ну вот, сейчас товарищ на голову мне сядет»,— и в ответ услышал на чистейшем русском языке: «В тесноте, да не в обиде, а, впрочем, пойду-ка я в грузовик». Человек прыгнул на землю. Мы так и не смогли разглядеть его в темноте, но если бы этот ангольский товарищ смог увидеть наши лица, то, несомненно, заметил бы, как они покраснели от смущения.

...Более суток трясся по африканским дорогам наш переполненный «ленд-ровер». Наконец остановились.

— Мы находимся на перевалочном пункте,— сказал команданте.— Это не база МПЛА. У нас вообще на территории Замбии нет баз: все они расположены «внутри», на освобожденной земле. Ну, да вы сами увидите.

Мы вошли в недостроенный дом, потом посмотрели друг на друга и, как ни чувствовали усталость, не могли удержаться от смеха. Очень уж непрезентабельный вид был у нас после 26-часового путешествия из столицы Замбии Лусаки до пограничного с Анголой района.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

11 июля. Пароль: *Афро*. Отзыв: *Азиатский*.

Вечером выходим в поход и в эту же ночь пересечем границу. Но атмосфера прифронтовой жизни чувствуется и здесь. Уже получили возможность встретиться с живыми очевидцами зверств, чинимых португальцами на ангольской земле. Долго

беседовал с Лауриндой Катойо, женщиной, которая пришла «оттуда» через границу по каким-то своим делам. Вот почти стенографическая запись ее рассказа.

Кимбуса (деревня.— О. И.), в которой мы жили, находилась недалеко от португальского гарнизона. Всего часа три ходьбы, не больше. Несколько раз «Комитет действия»¹ собирался и обсуждал, нельзя ли перенести кимбуса в другое место, потому что уж очень опасно было жить в близком соседстве с врагом. Но наши земли хороши для маниоки, поля ухожены, расчищены, и когда приходил партизанский отряд в нашу местность, то у него всегда было вдоволь еды. Несколько раз собирался «Комитет действия» и каждый раз решал остаться на старом месте, потому что таким образом мы могли бы лучше помогать партизанам.

Когда я говорю об опасности, это не от страха. Бывало, португальские солдаты подходили почти вплотную к нашей деревне. Несколько раз женщин, работавших на полях маниоки, португальцы обстреливали. Дважды и поля и деревню бомбили самолеты.

Мы надеялись, что как-нибудь перетерпим. Но вот однажды на рассвете подошел португальский патруль. В кимбуса все еще спали. Я находилась с мужем в хижине, когда солдаты открыли огонь. Очень немногие крестьяне успели убежать в лес. Большинство погибло от выстрелов карателей. Мой муж был убит. Когда он упал, я бросилась к нему, и в этот момент меня ранило в руку, вот сюда, где раньше был локоть. Вторая пуля оторвала мне три пальца на другой руке. Потом товарищ из партизанского отряда сказал, что португальские солдаты стреляли разрывными пулями. Мне было очень больно, я выбежала из хижины и увидела у входа свою подругу Марию, которая лежала в луже крови, у нее была раздроблена нога. Тут я потеряла сознание и в последнюю секунду видела между деревьев приближающихся тугов (португальцев) с автоматами. Наверно, они подумали, что я тоже убита, потому что в Марию выпустили автоматную очередь, а в меня стрелять не стали. Оставшиеся в живых односельчане больше не возвратились на место, где была кимбуса, и я находилась там одна среди убитых.

Так прошел один день, другой, целую неделю пришлось мне быть в разрушенной кимбуса, среди мертвых женщин и стариков. К концу недели через развалины прошел партизанский отряд. Командир отряда приказал нести меня в госпиталь. Там

¹ «Комитет действия» — созданные МПЛА в деревнях освобожденных районов органы местного самоуправления.— О. И.

мне сделали операцию и отняли обе руки. Всего лишь неделю назад я приехала сюда и сейчас буду постоянно находиться в госпитале, потому что у меня никого не осталось из родственников, за мной некому ухаживать, а здесь МПЛА заботится обо мне, меня кормят и поят. Все-таки я думаю, что со временем что-нибудь научусь делать и стану приносить пользу.

Моя история самая обычная. Португальцы повсюду так обращаются с местным населением, если подозревают, что жители кимбуса чем-то помогают партизанам.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

12 июля. Пароль: Знамя. Отзыв: Красное.

Проснулись довольно рано, еще только-только начал заигрывать рассвет. И первые минуты никому не хотелось вылезать из гамаков. Воздух был насыщен туманом, развешанные на сучьях гимнастерки впитали в себя ночную сырость.

Наконец совсем рассвело, и мы могли подробно рассмотреть место ночлега. Практически это было первое наше знакомство с ангольской землей. Отряд остановился в редком лесочке рядом с какой-то просекой. Вокруг из земли через ровные промежутки торчали небольшие белые столбики, верхняя часть которых имела одинаковую закругленную форму. Кто-то высказал предположение, что это своеобразные пограничные знаки, но тут же усомнился, так как от границы отряд уже отошел на порядочное расстояние. Белые столбики оказались муравейниками. Сотни таких муравейников непривычной для нас формы виднелись вокруг. Если ударить по столбику ногой, то легко можно сломать его, и тогда в месте излома открывались многочисленные запутаннейшие ходы, по которым сновали страшно испуганные черные муравьи, лихорадочно перетаскивая большие белые яйца в глубь жилища.

С общего согласия решили до прихода на базу пользоваться лишь теми продуктами, которые взяли с собой на всякий пожарный случай еще из Москвы. Это были не совсем обычные продукты. Хозяйственными проблемами группы в Москве занимался Юрий Егоров совместно с директором картины Гаврилой Леонтьевичем Диком, человеком очень энергичным и деятельным. Так вот, Егоров и Дик достали для всех членов нашей экспедиции настоящее космическое питание. Мы несли с собой различные тубики — одни с комбинированным паштетом, другие с зелеными шами, борщом, творожной пастой.

Наш процесс принятия космической пищи, вероятно, несколько отличался от завтраков, обедов и ужинов космонавтов в кораблях «Союз». Мы просто свертывали колпачки, ножиком аккуратно срезали металлическую верхушку тюбиков и, не опасаясь невесомости, нажимали на тюбик, глотая его содержимое. Партизаны с большим удивлением смотрели на наши манипуляции. Предложили им разделить с нами трапезу, но они рассмеялись и сказали, что предпочитают вместо неизвестной пасты кусок сушеного мяса антилопы.

Покончив с первым завтраком на ангольской земле, отряд зашагал в глубь страны. Шли, придерживаясь порядка, установленного вчера вечером. Впереди — небольшая группа разведчиков, по бокам — охранение, отряд же двигался цепочкой, растянувшись метров на 300. Вместе с носильщиками нас было 50 человек. Сейчас во главе отряда шел товарищ, которого мы не видели, когда выходили с территории Замбии. Среднего роста, одетый в черную куртку и черный берет с какой-то замысловатой эмблемой явно не ангольского происхождения. Глаза его прикрывали темные очки, а на широком брючном ремне справа и слева висели два пистолета. В руках он держал новенький «АК» — автомат Калашникова, явный признак принадлежности к командному составу партизанской армии.

Спросили у команданте, кто этот товарищ.

— Его зовут Котонду. Команданте Котонду руководит партизанскими соединениями зоны «Б», куда сейчас держим путь. Вы будете его гостями. Это очень хороший командир, отважный партизан, вы еще с ним познакомитесь поближе. Нужно сказать, что товарищ Котонду пришел сюда за сто с лишним километров специально, чтобы встретить вас. Сегодня утром он мне признался, что очень волнуется: понравится ли советским гостям в зоне, находящейся под его контролем. Это первые иностранные гости, которые приходят в зону «Б». До вас там не был ни один журналист.

Часов с десяти солнце стало заметно припекать. Как договорились в начале марша, привалы делали через каждые два часа похода. Остановки короткие, минут на 15, но вполне достаточные, чтобы выкурить сигарету, выпить несколько глотков воды из фляжки и дать возможность чуть-чуть отдохнуть ногам. Радовало, что пока по пути не попадались речки. Очень неприятно идти в мокрой обуви, а сохранить ноги сухими при подходе к здешним рекам практически невозможно.

Когда около полудня тропинка вывела отряд на широкую поляну, на дальнем краю ее показались три фигуры. «Это команданте Дизабу с разведчиками,— сказал шедший впереди нас комиссар Жуниор.— Значит, скоро привал». Командир отряда

Дизабу — человек удивительной выносливости. Он во время перехода, как челнок, сновал взад-вперед, одной рукой придерживая вечно сползавший рюкзак, а правой сжимая приклад автомата Калашникова со спущенным предохранителем. Если мы за час преодолевали примерно пять километров, то Дизабу и товарищи его группы совершали вдвое больший путь. Он то бегом мчался вдоль колонны, чтобы выяснить, нет ли каких новостей у разведчиков, то проверял боковое охранение, а потом возвращался и докладывал обстановку. Причем Дизабу, как правило, приходилось, минуя тропу, продираться через покрытый колючками кустарник, заросли высокой травы и вообще идти по бездорожью, так как тропинка была занята отрядом. Вот и сейчас Дизабу далеко вырвался вперед, потому что хотел до нашего прихода осмотреть местность, где было решено сделать остановку.

Густые деревья окаймляли берега небольшой речушки. Бойцы, весело переговариваясь, один за другим прыгали в воду, благо глубина там была по шиколотку, переходили вброд на другой берег, опускали на землю тюки, коробки, рюкзаки и довольно потягивались в предвкушении отдыха.

Руководитель группы отошел к расположившимся недалеко Дизабу, комиссару Жуниору и команданге Котонду. Они о чем-то посоветовались и, вернувшись, торжественно объявили:

— Вступая на освобожденную землю, вступая на территорию нашей страны, каждый получает военное имя. Отныне товарищ Комаров будет «Космонаута», потому что у него и фамилия и имя такие же, как у советского героя-космонавта. Юрия Егорова мы будем звать «Гагарин», так как у всех нас имя Юрий ассоциируется с Юрием Гагариным. Самый молодой наш гость, известинец Никаноров, отныне будет «Тененте» — «Лейтенант». Павла Михалева, как представителя молодежной комсомольской газеты, назовем «Комсомол», а руководитель вашей делегации, правдист Олег Игнатьев будет «Алегре», что значит «Веселый». На вид он довольно суровый человек, но его имя Олег напоминает наше слово «алегре». У вас нет возражений? — спросили нас таким тоном, что стало ясно: раз командование решило дать своим гостям такие имена, то оспаривать решение было бы по меньшей мере нетактичным.

Завершая этот своеобразный обряд «крещения», команданте произнес краткую речь и сообщил партизанам наши новые имена.

Поинтересовались дальнейшим распорядком дня.

— Сейчас приготовим обед, и потом предлагаю отдохнуть до трех или четырех часов, потому что идти в разгар жары не очень-то приятно. Затем совершим небольшой переход и если

засветло дойдем до Замбези, то еще сегодня попытаемся переправиться.

Кому приходилось бывать в джунглях, знает, как тяжело шагать днем под палящими лучами африканского солнца. Однако и отдых в тропическом лесу очень условно можно назвать отдыхом, а виною всему москиты. От этих несносных насекомых невозможно скрыться в тени деревьев, где абсолютно нет ветра и влажный воздух как бы густеет, обволакивая тело липкой массой. Москиты именно здесь чувствуют себя превосходно. От них можно отвязаться, только если выйти на открытое пространство и поймать хотя бы слабую струю ветра. Но там невыносимо печет солнце. Вот и мечешься между двух зол. Минут пятнадцать лежишь на земле под нависшими над тобой корнями лиан, методично шлепая себя по шее, лбу, щекам, потом не выдерживаешь, выползаешь на открытое место, но через некоторое время начинает казаться, что тебя посадили на раскаленную сковородку, и опять плетешься в зеленую чащу.

Признаться, все испытали большое облегчение, услышав наконец долгожданную команду: «Подъем!» Все же пусть жара и не совсем спала, но идти легче, чем выдерживать не прекращающуюся ни на секунду москитно-солнечную пытку.

Через час, когда начало темнеть, вышли на открытую местность

— Вон там Замбези. Если товарищи успели пригнать каноэ, то переправляться начнем сегодня же. Если нет, придется заночевать здесь.

Равнина, примыкающая к Замбези, покрыта густой, жесткой травой. Чувствовалась близость реки, потому что почва, до той поры твердая, большей частью каменистая, сменилась мягким и влажным черноземом, а может быть, не черноземом, но по крайней мере ощущалось, что ступаешь по «земляной земле». Затем метров через 300—400 следы, продавленные кедами, стали после каждого шага быстро заполняться мутноватой жижицей. Мы прибавили шаг, надеясь хотя бы до Замбези дойти в сухих кедах. Когда до кромки леса осталось менее километра, Дизабу пронзительно свистнул. Впереди послышался ответный свист. Из леса вышла группа разведки.

— Ну как? — крикнул команданте.

— Каноэ пока нет, заночуем здесь, — ответил старший группы разведчиков.

Надо сказать, мы остались довольны таким поворотом событий. Уж очень хотелось отснять на кино- и фото пленку переправу партизанского отряда через реку Замбези.

Место для привала разведчики уже выбрали. В лесочке горели костры.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

13 июля. Пароль: Каэтану. Отзыв: Собака.

Когда утром команданте Дизабу сообщил новый пароль и отзыв «Каэтану — као», то я, признаться, подумал, что речь идет не о собаке (потому что именно так переводится слово «као» с португальского на русский), а об одном из первых португальских колонизаторов, Диого Као, который в июне 1482 года пришел в эти места из города Тэхо на двух каравеллах. На борту флагманского судна лежали три скульптуры, высеченные из гранита. Као намеревался поставить их на открытых землях, так сказать, за столбить эти территории за португальской короной.

Однако, когда я спросил у товарища Дизабу, кого имеет в виду отзыв сегодняшнего пароля, он удивился:

— Неужели не понимаете? Каэтану — собака. Отзыв непосредственно относится к Каэтану. Почему возникли какие-то сомнения?

Я рассказал Дизабу о первом колонизаторе Диого Као. Командир рассмеялся.

— Откровенно говоря,— сказал он,— я не знал о существовании Диого Као. Довольно любопытная история: первый завоеватель имел подходящую для своего ремесла фамилию — Као.

Вернувшиеся с реки двое партизан доложили: каноэ стоит у берега, можно начинать переправу.

Безусловно, мы знали, что находимся в верховьях Замбези, но все-таки были чуть-чуть разочарованы. В месте переправы ширина реки не превышала ста метров. Утешало лишь то, что даже эта мини-Замбези давала нам право с гордостью говорить: «Однажды, когда мы переправлялись на каноэ через Замбези...»

Каноэ бывают разные. Некоторые спокойно выдерживают десять, а то и пятнадцать человек. Бывают поменьше. Однако каноэ, предоставленное в распоряжение отряда, оказалось совсем крохотным. В нем помещались всего два человека: перевозчик и пассажир. Или же перевозчик и три рюкзака. Или же перевозчик и один миномет.

Кинооператоры с заряженными камерами, изголодавшиеся по работе, сначала снимали все подряд, каждый рейс каноэ, потом приступили к съемкам выборочным, а под конец стали, на наш взгляд, чересчур привередливыми и в поисках необычных ракурсов задерживали переброску отряда. Однако их можно понять. Не часто приходится делать такие документальные съемки.

Часам к одиннадцати последний боец ступил на правый берег реки.

— Жуниор! — окликнул командир комиссара отряда, который, приложив ладонь козырьком к глазам, напряженно всматривался в даль. — Ну как, идут ДП?

— Нет, не видно, — ответил Жуниор и, повернувшись, добавил: — Может быть, пойдём без ДП? Эта дорога нам знакома.

— Пойдем, — решил командир.

Кто такие ДП — оставалось загадкой. Но раз командование решило не дожидаться этих таинственных ДП значит, так и надо. До лесочка пришлось идти полтора часа, практически в самую жару, и все порядком устали, особенно носильщики. Ведь у кинооператоров груз весил около шестисот килограммов.

— Сколько здесь пробудем? — спросили у команданте.

— Все зависит от прихода ДП, — и, заметив недоумение на наших лицах, повторил: — Да, все зависит от прихода ДП. Вы знаете, конечно, кто такие ДП?

Мы честно признались, что не знаем.

— ДП, — пояснил команданте, — означает «дефенсорес ду пову» — «защитники народа». Иными словами, народная милиция. Народная милиция нами создана во всех деревнях освобожденных районов ДП могут быть и старики 70 лет и 14-летние парнишки. Практически все представители мужского населения, способные держать в руках оружие. Какая задача ставится перед ДП? Идут женщины в поле убирать маниоку — их сопровождает ДП с ружьем на плече, чтобы защитить в случае неожиданного нападения врага. Ушел отряд с партизанским заданием — все тропинки и подходы к деревне не будут без присмотра, их охраняют ДП.

Команданте не успел закончить свой монолог, как на поляну, где расположился отряд, вышли шесть крестьян, вооруженных одной дуплетной охотничьей винтовкой. Впереди пожилой мужчина, вероятно, старший группы, нес на плече кусок туши антилопы. Обменявшись несколькими фразами с команданте, он подошел и положил у моих ног мясо, сказав что-то на языке чокуа. Я ответил ему по-португальски, но крестьянин, как видно, не понимал португальского языка. Улыбаясь, он несколько раз похлопал в ладоши, приложив правую руку к груди, и дважды повторил: «Мане, мане, камалата».

Команданте пояснил:

— Уважаемый командир ДП желает гостям счастливого пребывания на земле Анголы и просит принять подарок — часть убитой им антилопы.

ДП пробывли вместе с нами часа два, а потом крестьяне так же церемонно распрощавшись, несколько раз похлопав в

ладоши, прикладывали правую руку к груди и повторяя: «Мане, мане, камалата».

Когда ДП ушли, я спросил командира отряда:

— Какую пользу могут принести эти люди, если на шесть человек приходится одно древнее ружье? — Рассказал о своих поездках к партизанам Гвинеи (Бисау) и о жизни там, в освобожденных районах, где тоже существует народная милиция, но каждый милиционер вооружен или автоматом, или по крайней мере винтовкой с достаточным количеством патронов.

Командир вздохнул:

— Что ты, у нас еще не хватает оружия для партизан, а о ДП и говорить не приходится. И боеприпасов в обрез. Однако даже такие, практически совсем не вооруженные группы ДП приносят большую пользу нашей борьбе. Они несут дозорную службу, следят и докладывают нам о передвижении противника, помогают переносить грузы. Юноши и девушки овладевают азами военной профессии, привыкают к военной дисциплине. Молодые ДП — это резерв, из которого станем черпать кадры бойцов при создании в ближайшем будущем вместо партизанских отрядов регулярной народно-освободительной армии МПЛА.

Вот и сейчас, наверно, не догадываетесь, почему мы шли сюда кружным путем, а не прямо, через поле. Это же не обычное поле, а почти высохшая река. Через топь существует проход по тропинке, но о ее существовании знают лишь несколько человек ДП из соседней деревни.

Когда мы идем через лес или когда отряд пересекает равнину, то находимся под непрерывной охраной постов ДП, и стоит им заметить что-либо подозрительное, как они тут же нас предупредят. Вы думаете, команданте Дизабу проводит разведку, так сказать, на пустом месте? Нет, он выполняет роль подстраховщика. Во-первых, продвигаясь вперед, связывается с постами ДП, расспрашивает, не видели ли они каких-нибудь подозрительных людей, свободна ли дорога. А потом дает нам знать, что путь свободен. Кстати, сейчас Дизабу ушел километра на четыре вперед разведать обстановку.

Мы поинтересовались: как же так, местность считается освобожденной от португальцев, а товарищи принимают чрезвычайные меры предосторожности?

Командир пожал плечами:

— Ничего не поделаешь, если бы отряд шел один, то, во-первых, двигался бы гораздо быстрее, во-вторых, группа разведки состояла бы в лучшем случае из двух человек. Но с нами же идут советские гости! Мы в данном случае удваиваем, даже утраиваем бдительность. С вами ничего не должно случиться, вы должны выполнить свое задание. Поэтому стараемся вести вашу

группу, обходя все населенные пункты. Не исключено, что в какой-то деревне кто-то из жителей является вражеским соглядатаем и появление нескольких иностранцев вместе с партизанским отрядом представляет наивысшую информацию для португальцев, за которую агенту щедро заплатят. Поэтому не сетуйте на то, что за минувшие полтора суток вы еще не были ни в одной деревне. Лучше прийти на место без происшествий, чем иметь какие-либо неприятности.

После обеда двинулись дальше. Жунитор предупредил: «Не бойтесь промочить ноги». Подтекст этой фразы стал сразу же ясен, как только вышли из леса. Отряду предстояло совершить переход через первое болото.

Сначала еще на что-то надеялись, пытались прыгать с кочки на кочку. Потом один из нас провалился по пояс в мутную жижу. За ним второй, третий. И мы, не сговариваясь, решили не тратить зря силы, а потопали, как и все партизаны, прямо по болотному месиву, стараясь только не мельтешиться долго на одном месте: болото начинало быстро затягивать разяву.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

14 июля. Пароль: Родина. Отзыв: Или смерть.

Вчера, перед тем как лечь спать, мы часа два потратили, развешивая мокрое обмундирование как можно ближе к костру. Кеды, насаженные на воткнутые в землю палки, напоминали ломти приготовленного для копчения мяса. К утру кое-что высохло, но только кое-что, и пришлось-таки напяливать на себя мокрую робу.

Конечно, ощущение не из приятных. Но по сравнению с партизанами наша группа находилась в очень привилегированном положении. Во-первых, у нас была вторая смена обмундирования, мы имели по две пары кед, мы имели возможность спать в гамаках. Партизаны же всего этого были лишены. Еще вчера, после первого перехода болота, Егоров поинтересовался у комиссара Жунитора:

— Сколько времени выдерживает в таком климате и в таких условиях обмундирование?

Жунитор ответил:

— В сухой сезон можно проносить полгода, а в сезон дождей не больше четырех месяцев. Потом превращается в лохмотья. Наши же бойцы,— добавил Жунитор,— иногда по полтора года не

могут сменить форму. Они очень аккуратно к ней относятся. При каждой возможности тщательно стирают сами или же отдают стирать женщинам кимбуса. Но эти переходы, ночевки на земле, форсирование рек, тропические ливни, колючие кустарники... Да что там говорить! Легче перечислить трудности, которых нет, чем трудности, которые приходится преодолевать, потому что вторых несравненно больше.

С выходом чуть-чуть задержались из-за командира. У него опять распухла коленка левой ноги. Пришлось ждать, пока фельдшер Базадио (между прочим, выпускник Херсонского медицинского училища) сделает болеуспокаивающий укол и наложит тугую повязку.

— Хорошо еще,— пробурчал командир,— что до прихода на место базирования почти не будет рек на нашем пути.

— А болота переходить будем? — спросил Комаров, за вечерний переход измотавшийся больше других.

— Какие болота? Мы не переходили болота.

— А что мы месили вечером и ночью?

— Это не болота, это реки.

— Какие же реки, самые настоящие болота!

— Нет, реки, только реки высохшие. Сейчас же сухой сезон, а в сезон дождей реки разливаются до тех самых мест, где сейчас начинаются ваши «болота». И тогда без каное не обойтись, и переправы такого отряда, как наш, делятся сутками.

Наконец фельдшер закончил перевязку. Отряд тронулся в путь. На этот раз впереди нас шел боец, вооруженный старинной винтовкой. Сбоку на узеньком пояске болтались две гранаты-лимонки. За плечами у партизана висел небольшой рюкзачок, поверх которого он приладил латаное одеяло. За минувшие дни мы уже узнали имена многих партизан и слышали, как этого бойца товарищи называли Мозамбик. Он выглядел совсем-совсем мальчишкой.

В походе всегда бывает приятно на ходу поболтать с соседом, но напрасно я на этот раз пытался завязать разговор с Мозамбиком. Он оборачивался и на все вопросы или молча улыбался, или же отделялся односложными предложениями, вроде: да, нет. А чаще всего говорил «не понимаю».

Жуниор, заметив мои усилия, сказал:

— Мозамбик еще учит португальский язык. Он не только боец, но и школьник, а товарищ Дизабу проверяет у него задания. По-португальски Мозамбик говорит плохо, потому что принадлежит к племени камусекеле, которое живет в глубине Анголы, и у нас никто, кроме товарища Дизабу, на камусекеле не говорит.

Во время привала спросили у Дизабу: «Кто этот товарищ с винтовкой и двумя гранатами по имени Мозамбик, почему ты его опекаешь?»

— Так это же наш «сын полка». Знаете, сколько ему лет?

Прикинули и решили, что так как в партизанские отряды принимают людей, которым не меньше 16 лет, то и Мозамбику, вероятно, лет 16, хотя выглядит он гораздо моложе.

— Нет,— сказал Дизабу,— Мозамбику 12 лет.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

16 июля. Пароль: Введя борьбу. Отзыв: Ангола станет нашей.

Сейчас можно несколько с большими удобствами заняться записями в дневнике. Утром пришли наконец на место. Разработанный с руководством отряда график движения не был выполнен, и вместо трех суток переход от границы занял четверо с половиной. Выполнению графика помешали, как говорят у нас, «объективные причины». О них уже писал: большой груз кинооператоров, многочисленные переправы, болота и ограниченное число носильщиков.

Население кимбуса, рядом с которой встали лагерем, оказало гостям торжественную встречу. Всего здесь примерно сто с небольшим жителей. Мужчины и женщины выстроились полукругом на поляне, исполнили в честь прибывших несколько песен и преподнесли традиционные подарки, своего рода «хлеб-соль». Это были типично ангольские подарки. Во-первых, два таза, доверху наполненные маниоковой мукой. Нужно сказать, что клубни маниоки — основной продукт питания местного населения. Так же как у нас почти везде встретите поля пшеницы, так и на северо-востоке Анголы около деревень раскинулись поля, на которых выращивают маниоку. Клубни маниоки смахивают на нечто среднее между громадной картошкой и сахарной свеклой. Только «ботва» у нее высокая, иногда двухметровой величины, с виду похожая на прямые, гибкие прутья сирени.

Маниоку жарят, варят, едят в сыром виде, сушат, толкут в ступе и получают из нее муку. Из маниоки делают нечто напоминающее наш хлеб, и называется он чикунга. Почти к каждому мясному блюду подают фунжи, а готовят фунжи так: кладут в посуду маниоковую муку, выплескивают в нее две-три кружки крутого кипятка и деревянной палкой начинают замешивать,

как хозяйки у нас замешивают тесто. Потом добавляют немножко соли, и фунжи готова.

Рядом с тазами лежала связанная живая антилопа. Она испуганно таращила глаза, и бока ее мелко-мелко вздрагивали. Около — топорик, лук, две стрелы и деревянный гребень, а поодаль хозяева поставили две бутылки с аулуа — местным самогонном, приготовленным опять-таки из маниоки.

Хотя переходы были и не слишком продолжительные, но все же усталость давала себя знать. Разложив рюкзаки, достали запасные комплекты обмундирования и двинулись на речку. Там уже собрались все партизаны отряда. Нам уступили самые удобные места, и мы с наслаждением долго мылись в довольно прохладной ключевой воде. На берег вышли словно заряженные порцией бодрости.

На 18 часов назначено совещание для обсуждения программы. В нашем распоряжении оставалось еще часа полтора, и мы решили пойти осмотреть кимбуса. Хижины ангольцев квадратные, стены и крыши сплетены из сухой травы и тростника. Ночи в этом районе довольно прохладные, и температура совсем не вяжется с нашим представлением об африканском климате. Многие предпочитают спать возле хижин, у костров, благо перебоев с топливом в джунглях не бывает.

Женщины кимбуса работают на маниоковых полях, мужчины занимаются охотой и рыбной ловлей, пасут скот, добывают мед. Казалось бы, тихая, патриархальная жизнь, складывавшаяся столетиями, но стоило чуть-чуть приглядеться, и человек, даже впервые попавший в любую деревню любого из освобожденных районов Анголы, сразу же замечает те черточки нового, которые возникли благодаря самоотверженной работе МПЛА, благодаря людям, которые с оружием в руках завоевывают независимость для своего народа.

Так вот, и это главное, на территориях, ныне освобожденных партизанами МПЛА, ангольцы обрели свое человеческое достоинство. В каждом кимбуса созданы органы местного самоуправления, куда избираются самые уважаемые люди деревни. Большинство детей учится в школах. Работают медицинские пункты, народные лавки. Неслыханная для Анголы вещь — женщины имеют свою организацию и пользуются всеми правами наравне с мужчинами. В освобожденных районах возникла сеть профсоюзных организаций. Таковы лишь некоторые из примет новой жизни.

...Программа получилась довольно насыщенной. В числе других мероприятий наибольший интерес как для журналистов, так и для кинооператоров, безусловно, представляло участие в разведывательной операции и в обстреле португальского гарнизона.

Разведка назначена на 21 июля, обстрел гарнизона Каянда — на 26 июля. Помимо этого, получим возможность подробно ознакомиться с жизнью населения освобожденных районов, наметили посещение школы, медицинского пункта, учебного центра партизан зоны, будем присутствовать на тактических занятиях, постараемся обстоятельно изучить повседневную жизнь партизанского отряда. Одним словом, каждый день будет загружен до предела. Времени, откровенно говоря, не так-то много: выход в обратный путь 28 июля, 1 августа мы должны пересечь границу.

Недалеко от хижины, где разместились операторы Юрий Егоров и Владимир Комаров, соорудили из жердей стол. Когда закончили обсуждение программы, сюда доставили ужин. Вареная маниока, тесто из той же маниоки и по куску жареной на углях костра антилопы. Той самой, что была преподнесена жителями деревни во время церемонии встречи. Конечно, когда говоришь «жареная антилопа», то эти слова звучат несколько экзотично, но надо признаться, что мне ни разу не пришлось попробовать мягкое жаркое из антилопы. Всегда казалось, что оно соткано из одних жил. Да и к маниоке нужно привыкнуть. Потом принесли газ с кипятком. У нас нашлось еще немного сахара, и все с большим удовольствием выпили по кружке горячего чая.

Перед тем как пойти в хижину, присел у костра, разведенного в трех метрах от входа. В разных уголках леса тоже горели костры. В стороне трое партизан примостились у транзисторного приемника и слушали передачу радио из Москвы на португальском языке для Анголы, Мозамбика и Гвинеи (Бисау). Диктор читал комментарий о военных действиях в Южном Вьетнаме. Никаноров подобрал валявшуюся неподалеку зеленую веточку и бросил ее в огонь. Она не вспыхнула, листья съежились и стали дымить. Сидевший рядом команданте покачал головой и вынул ветку из костра. «Она не станет гореть, товарищ, — сказал он, — потому что эта ветка от плачущего дерева».

— Что это за плачущее дерево?

— На языке лунда оно называется муфука. Не знаю, как по-португальски. Оно на самом деле непрерывно плачет. И днем и ночью с его листьев стекают и падают на землю капли воды. Местные жители считают муфука целебным деревом. На закате солнца к месту, где растет муфука, часто приходят люди, страдающие каким-нибудь недугом, срывают влажные листья и натирают ими больные места. Говорят, помогает. Я, правда, не пробовал.

— А почему оно не станет гореть?

— Просто потому, что очень сырое. Воды много в древесине.

В хижине операторов погас свет фонарика.

— Пойдем отдыхать? — спросил команданте.— Впрочем,— добавил он,— вытащу-ка я топчан к огню, а то уж больно холодно.

...Лагерь спит. Сквозь щели тростниковых стен хижины видны блики догорающего костра. Где-то далеко послышался крик какой-то ночной птицы — резкий посвист, переходящий в постепенно замирающий клетот. И еще монотонный звук падающих на землю капель — это все плакало и плакало таинственное дерево муфука.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

18 июля. Пароль: Патрис Лумумба. Отзыв: Африканский герой.

Утром представилась было прекрасная возможность участвовать в охоте на газель, кабана или антилопу. Командир отряда решил пополнить иссякнувший запас мяса и отрядил на охоту одного из лучших следопытов из числа партизан нашей группы, бойца Каинасу. Впрочем, команданте утверждает, что буквально все партизаны чувствуют себя в джунглях как дома, и у нас нет никаких оснований сомневаться в справедливости его слов. Ведь почти все партизаны родились и выросли в сельской местности, привыкли к лесу, знакомы с повадками его обитателей. Из поколения в поколение передавались от деда к отцу, от отца к сыну годами накопленные наблюдения, приемы охоты, рыбной ловли, заготовки впрок даров леса. Только если, например, на юге Анголы местные жители привыкли к саванне и знали, как нужно преследовать зебр, то жители местности, где мы находимся, охотились на антилоп и газелей, бегемотов и кабанов. Каинаса умел делать это отлично.

К сожалению, мы не могли сопровождать Каинасу, потому что (как всегда, по плану) мы должны были сегодня все время посвятить отъемке быта партизанского отряда, расположившегося по соседству с нашими хижинами. Каинаса взял автомат, ружье и отправился на охоту, а мы, нагрузившись кино- и фотоаппаратурой, пошлагали к отряду Дизабу.

Что такое современный партизанский отряд в африканских джунглях? Вы помните, что мы находились в редких джунглях, которые очень отличаются от густых, влажных джунглей, раскинувшихся на многие десятки километров по обе стороны больших рек или же расположенных ближе к экватору. В редких

джунглях лес просматривается на большие расстояния, пространство кажется прополотым и причесанным. А партизанскому отряду требуется найти место, надежно укрытое от постронних взоров. Территория, выбранная для устройства лагеря, полностью отвечала предъявляемым требованиям. Широкие кроны нескольких десятков деревьев нависли над небольшими полянами, где соорудили примитивные хижины. На одной из полян стояли два стола из жердей, связанных лыком, срезанным с коры дерева м'самба, напоминающего нашу акацию. На столах чистили оружие. На площадке по правую сторону от хижин по утрам проводилась «форматура» — построение. Во время построения партизанам давались задания на ближайшие сутки, комиссар отряда рассказывал о последних новостях, услышанных по радио, причем так как партизаны не все понимали по-португальски, то комиссару приходилось повторять новости на двух, а то и на трех местных наречиях. После проведения очередной боевой операции на форматуре разбирали действия отдельных групп и подразделений (как любит говорить комиссар Жуниор: «Занимались критикой и самокритикой, чтобы достичь прогресса в движении вперед»).

Утро отряда, как в любом другом воинском подразделении, начиналось с побудки. Горниста не было, не существовало и горна. Но неизменно в пять часов утра первым просыпался команданте, смотрел на часы, и лес оглашался специфическим свистом: «Подъем!» Правда, чтобы растормошить самых больших любителей поспать, приходилось повторять сигнал два, а то и три раза. Мест в хижинах для всех не хватало, а кроме того, «стены» их совершенно не помогали уберечься от довольно низкой ночной температуры, поэтому большинство устраивалось у костров, которые, хотя бы в первые ночные часы, обогревали спящих бойцов. Свернув циновку и уложив одеяло в рюкзак, партизаны спешили к реке умываться. Примерно через полчаса теперь уже командир отряда свистел на зарядку. Потом наступало время завтрака. Каждая группа бойцов готовила завтрак самостоятельно. У ангольских партизан не существует отрядной кухни в нашем понимании этого слова. Два или три раза в неделю ответственные за продовольственное снабжение отряда раздают бойцам продукты и, если есть, курицу. Что это за продукты? Как правило, куски сырого мяса. Получив паек, партизаны тут же разжигают костры и начинают коптить его. Срезав небольшую палку, они расщепляют ее, вставляют в образовавшуюся вилку мясо и укрепляют вблизи огня. Через несколько часов процесс копчения завершается. В таком виде мясо может храниться несколько дней, не боясь порчи. Кроме того, партизанам выдается маниоковая мука или вареная маниока. Иногда

с базы доставляют консервы, и тогда готовят нечто среднее между пловом и мясным рисовым супом. Любители чаепитий кипятят чай, причем чаем служат листья ангольского лимонника — растения, довольно часто встречающегося в джунглях Анголы. Курят партизаны советские сигареты «Новость».

После завтрака — чистка оружия и боеприпасов. Хотя влажность в местах, где нам пришлось быть, и не особенно высокая, но все же это тропики, и со ржавчиной приходится очень энергично бороться.

Мы пришли в расположение отряда, когда чистка оружия закончилась и командир собирался давать последние наставления двум группам (группа — 10 человек бойцов), отправляющимся на смену своим товарищам, находившимся в недельном дозоре на постах, расположенных в непосредственной близости от португальских гарнизонов. «В задачу группы товарища Фоггу, — говорил командир, — входит наблюдение за участком в районе между взорванным мостом номер три и разрушенной португальской лавкой в шести километрах от моста. Если туги решатся послать патруль из гарнизона, то на этот раз огонь не открывать. Засады не устраивать. Кроме того, вам надлежит временно снять мины, установленные нами на тропинках. Одним словом, нужно создать у противника безмятежное настроение, не давая ему повода для введения боевой готовности номер один. Сейчас все наши действия, каждый шаг подчинены одной задаче: успешно выполнению планируемой операции по обстрелу гарнизона Каянда. До начала операции пусть наше присутствие не чувствуется противником». Примерно такого же рода инструкции были даны командиром второй группе. Мы обратили внимание, что бойцы почти все свои персональные запасы мяса оставили товарищам. Нам объяснили, что в районе патрулирования обилие всевозможной дичи. Партизаны добудут для себя свежее мясо охотой. Группы берут с собой охотничьи ружья, и выстрелы из них не привлекут внимания португальцев, потому что отличаются от винтовочных или автоматных выстрелов.

Группы ушли на задание, и в лагере осталось человек десять — двенадцать. До начала занятий несколько партизан взялись за починку одежды, благо вчера разжились у Юрия Егорова несколькими метрами ниток и иглой. Двое уселись около ствола поваленного дерева, вытащили из рюкзаков буквари и принялись грызть гранит науки, водя пальцами по строчкам и сосредоточенно морща лоб. А Мозамбик достал спрятанную в глубине хижины киссанги и стал наигрывать на ней незамысловатую мелодию. Мы назвали киссанги «местным пианино». Это небольшая дощечка с прикрепленными на ней несколькими металличе-

скими или бамбуковыми пластинками разной величины. Музыкант перебирает пальцами концы пластинок и выводит мелодию.

Бойцы занимались своим делом, мы, стараясь им не мешать, занимались своим: снимали «скрытой камерой», улучшив момент, нажимали на кнопку объектива фотоаппарата. Как всегда бывает в подобных случаях, если бойцы замечали, что их хотят фотографировать, то сразу же начинали позировать, смеясь и дурачась. Съемка срывалась, и тогда к нам приходил на помощь кто-нибудь из наиболее степенных партизан, который начинал урезонивать не в меру разошедшуюся молодежь.

До чего же они все разные, партизаны нашего отряда, и в одно и то же время являли собой единое целое! Разные по характерам, по судьбам, приведшим их в стан борцов против португальских колонизаторов. И, может быть, именно этот сплав различных человеческих судеб и характеров и помог созданию крепчайшего коллектива, созданию этой небольшой боевой ячейки МПЛА, именуемой партизанским отрядом. Может быть. Но главное все же заключается в другом: их всех объединяет одна цель — изгнать португальских колонизаторов с родной земли, увидеть Анголу свободной.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

19 июля. Пароль: ППШ. Отзыв: Ведет огонь.

Утром прибежал к нам в хижину взволнованный фельдшер медпункта товарищ Базадио и, мешая русские слова с португальскими, закричал: «Товарищи! Нет ли у вас противоземной сыворотки?» А надо сказать, что, выходя в поход, мы запаслись этой сывороткой, зная о возможности не очень-то приятного знакомства с рептилиями в джунглях Анголы.

Оператор Юрий Егоров, в рюкзаке которого хранились наши медикаменты, не мешкая и не вдаваясь в расспросы, бросился доставать коробочку с ампулой и шприцем.

— Быстрей, быстрей! — закричал он Базадио и бросился по тропинке в сторону деревни. Мы за ним. Там, у одной из хижин, на земле лежал Каинаса и тихо стонал. Штанина на правой ноге была закатана выше колена, и на лодыжке виднелась небольшая ранка со спекшейся кровью.

Мы успокоились, когда охотнику сделали укол. Вечером после ужина отправимся навестить пострадавшего.

Да, забыл сказать, что когда прибежали к месту, где лежал Каинаса, то рядом, на суку дерева, висела туша громадной антилопы.

Недалеко от места, где мы живем, располагается СИР — «Сентру ду инструсао револусионариу» — Центр революционного обучения, а попросту говоря, военные курсы. Руководит курсами товарищ Мона — невысокого роста крепыш, крутолобый, с небольшой бородкой, которую он то и дело поглаживает левой рукой. Мона несколько лет проучился в нашей стране, прекрасно владеет русским языком, яростный болельщик московской футбольной команды «Торпедо» и поклонник таланта Эдуарда Стрельцова.

Сегодня весельчак и оптимист Мона пришел днем в нашу хижину явно расстроенный. Команданте рассеянно слушал рассказы о том, как прошли съемки в соседней кимбуса, о новых идеях оператора Юрия Егорова по поводу завершающих кадров фильма. Под конец, видя, что собеседник полностью поглощен своими заботами, я не выдержал и шутя потребовал от Мона выложить, что его волнует.

— Сейчас пойдете снимать СИР? — ответил команданте вопросом на вопрос.

— Да. По плану у нас съемки СИРа. С одиннадцати до полудня.

— А послезавтра хотите снимать стрельбы курсантов и тактические занятия?

— Безусловно. Но у тебя же есть вся программа нашей работы. Или ты хочешь изменить время? Может быть, курсантам не очень удобно идти с утра на стрельбище?

— Нет, дело не в этом. Скажите, сколько каждый курсант должен взять с собой боеприпасов для съемки?

— Пусть возьмут по две обоймы на автомат.

— По две обоймы? Это невозможно!

— Операторы должны сделать несколько дублей. На стрельбище запланировано израсходовать метров сорок пленки.

— Но мы не можем потратить столько патронов.

— Почему?

— Потому что у нас каждый патрон на учете. Мы считали, считали и выходит: максимум дадим каждому курсанту на автомат шесть патронов, на винтовку — четыре-пять.

Так вот почему команданге Мона пришел расстроенный в хижину. Вот почему его инструкторы утром около склада с оружием разложили на маленькие кучки автоматные и винтовочные патроны. В те дни СИР сидел на скудном пайке боеприпасов, а тут еще добавочные расходы из-за прихода кинооператоров!

Нехватка боеприпасов. Грозно-набатный смысл этих двух слов понятен каждому, кто прошел через суровое горнило войны. Нет патронов — и нечем сдерживать натиск врага. Нет патронов — и приходится отказываться от атаки. Почему у партизан возникла напряженная обстановка? Складывалась ли подобная ситуация в отрядах МПЛА других районов страны? Да, нужно ответить утвердительно на последний вопрос. Причин здесь несколько.

Причина первая — большие расстояния, отделявшие отряды от баз снабжения. Порой несколько сот километров. Вторая причина — почти полное отсутствие транспортных средств. В некоторых местах каноэ, кое-где — велосипеды. Третья причина — разномасштабность оружия партизан МПЛА.

Вот почему был так обеспокоен Мона, когда услышал о намерении израсходовать на стрельбах курсантов по две обоймы(!) патронов на каждый автомат.

Правда, озабоченность товарища Мона была в какой-то мере укоренившейся привычкой экономить любые виды боеприпасов. Привычкой, выработанной за долгие тяжелые годы, предшествовавшие широкому размаху вооруженной борьбы в Анголе. Потому что невозможно ставить знак равенства между обстановкой, скажем, 1963 года и нынешней.

На территорию СИР пошли вместе с Мона. Красное помещение — столы и скамейки под навесом — покрыто тростниковыми матами, перехваченными полосками лыка. Рядом стол для разборки и чистки оружия. Большинство курсантов временно подключили в состав нашего отряда, и на занятиях присутствовала всего треть личного состава слушателей СИР — человек десять. Урок был посвящен рассказу о помощи, которую оказывают различные страны мира народу Анголы.

Мона очень доходчиво, очень популярно рассказал о том, как во всем мире следят за борьбой ангольского народа, почему Португалия опирается на НАТО и что такое НАТО, где находятся страны, дружественные МПЛА, и как Советский Союз помогает ангольцам всем, в том числе оружием. Потом стали выступать курсанты (между прочим, среди них две женщины). Запомнился паренек, который стал перечислять африканские государства, помогающие МПЛА.

— Нам помогают,— бойко начал он,— Замбия, Танзания, Конго-Браззавиль, Арабская Красивая Республика и другие страны Африки.

— Стой, стой,— перебил Мона,— какая такая «Красивая Арабская Республика»?

— Которая присылает нам одеяла и консервы,— нимало не смущаясь, твердо ответил курсант.

— Но ее название: «Республика Арабе Унида» — «Объединенная Арабская Республика», а ты говоришь «Республика Арабе Бонита» — «Красивая Арабская Республика». Так неправильно.

— Нет, правильно,— не сдавался курсант,— раз она нам помогает, то мы можем ее назвать «Красивая Арабская Республика».

Переубеждать его Мона не стал.

Из СИРа возвращались вечером и решили, не заходя в хижины, отправиться навестить Каинаса.

Может быть, Каинаса после укуса кобры остался бы жив и без нашего вмешательства, но, несомненно, оно помогло ему быстрее стать на ноги.

Когда в Анголе говорят «кобра», то совсем не значит, что это змея, которую мы привыкли называть коброй. В Анголе всякая змея — кобра, даже питона — и того называют кобра. Есть, конечно, у каждой змеи свое название на местных ангольских наречиях, но любая змея здесь — кобра.

Когда мы вернулись в нашу хижину, то около нее уже горел костер и сидевшие вокруг партизаны рассказывали друг другу истории о своих встречах со змеями. Каких только случаев не было в ангольских лесах! Одному, например, попался питон длиной метров десяти! Если верить словам второго, то его раз семь кусали ядовитые змеи. В подтверждение правдивости своих слов он показывал всем многочисленные шрамы, которыми были покрыты его ноги. Правда, остальные слушатели с некоторым недоверием смотрели на шрамы, потому что у каждого из партизан было их предостаточно, но не обязательно каждый шрам должен быть своеобразной отметкой о встрече с ядовитой змеей!

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

20 июля. Пароль: Операция продолжается. Отзыв: С Агостиньо Нето.

Сразу же хочу предупредить: рассказ пойдет об обычной, будничной разведке. Однако именно поэтому об этой разведке стоит рассказать подробно, потому что она рядовая, потому что дает представление, как действуют ангольские партизаны, в каких условиях им приходится воевать.

Еще в Москве Агостиньо Нето пообещал, что если во время нашей поездки будут проводиться операции, то нашей группе кинооператоров и журналистов предоставят возможность присутствовать при обстреле партизанами одного из португальских гарнизонов. «Только советую,— предупредил Нето,— взять с собой в Анголу телеобъективы. Так как, может быть, из соображений безопасности не удастся провести вас совсем близко к гарнизону противника».

— Итак, товарищи, надеюсь, задача вам ясна.— Команданте обвел взглядом сидевших в нашей хижине на двух топчанах партизанских командиров.— Еще раз тщательно проинструктируйте бойцов. Пусть соблюдают максимум осторожности. Ни одна живая душа не должна видеть вас или ваши следы по крайней мере в радиусе десяти километров от форта. Заметят — операция по обстрелу может сорваться. Все ясно?

— Все, — ответили командиры. Пятеро команданте поднялись и вышли из хижины. Я смотрел им вслед. Грузный, немного неуклюжий, всегда с добродушной улыбкой на лице Климанджаро сразу же размашисто зашагал к партизанскому лагерю. Он командовал группой «Агуа», которая должна была выбрать место для обстрела казармы португальских солдат.

Команданте Лумумба — высокий, стройный, с фигурой атлета — руководил группой «Уалуа». В ее задачу входил осмотр подступов к мосту, выбор мест для минирования дороги и для размещения автоматчиков, которые должны были обстреливать солдатские казармы.

Миссия группы команданте Котонду не ограничена жесткими рамками. Она попытается обнаружить места расположения португальских орудий в гарнизоне. Его группа, называвшаяся «Муангаунга», должна выйти в разведку раньше других и обследовать с минимальной дистанции всю местность, прилегающую к гарнизону.

И, наконец, наша группа под кодовым названием «Аксион» — «Действие» должна была заниматься своим профессиональным делом: щелкать фотоаппаратами, стрелять кинокамерой и, как губка, впитывать впечатления. В состав каждой из групп входило всего по три партизана, кроме нашей, насчитывавшей пять ангольцев и четыре советских гостя.

Из лагеря вышли в 15.00. Нас восемнадцать человек, вооруженных автоматами, пистолетами, фотоаппаратами, кинокамерой, штативом и футляром с телеобъективом. До вражеского гарнизона предстояло пройти около сорока километров.

Шагавший рядом комиссар Жуниор, махнув рукой в направлении видневшихся поодаль обугленных столбов сожженной де-

ревни, сказал: «Сожгли португальцы. Еще несколько лет назад. Это когда шла первая фаза нашей борьбы».

Во время первой, начальной фазы вооруженной борьбы партизанские отряды МПЛА ставили перед собой задачу ликвидации и разрушения коммуникаций противника. Они минировали дороги, устраивали засады, взрывали мосты, совершали нападения на транспортные колонны, курсировавшие между гарнизонами.

В конце концов отряды МПЛА выполнили свою задачу: португальцы оказались запертыми в гарнизонах и лишь изредка отваживались вылезать за пределы укрепленных районов. Снабжение и смена составов производились с помощью авиации, в основном вертолетов. Форт Каянда, к которому мы держали путь, также имел свой автономный аэродром, способный принимать небольшие транспортные самолеты.

В настоящее время подходит к концу вторая фаза борьбы (речь идет о третьем районе Анголы). Основная цель операций второй фазы — деморализация противника, изматывание его путем многочисленных обстрелов гарнизонов, нападений на аэродромы, ночных атак, сужение зон радиуса действий португальских патрулей вокруг гарнизонов, отсечение, если можно так выразиться, гарнизонов от «стратегических деревьев».

...Уже в полной темноте отряд разведчиков добрался до так называемого выдвинутого поста. В его задачу входит постоянное наблюдение за гарнизоном противника. На «выдвинутом посту» посменно дежурят несколько партизан (чаще всего «группа», соответствующая нашему отделению). Иногда наряд длится неделю, иногда две. Потом — смена. На территории поста нам предстояло переночевать. Командир разведгруппы товарищ Мона внимательно выслушал доклад старшего по наряду, только что вернувшегося из района Каянды.

— Какие-нибудь новости, Мона? — спросили мы команданте.

— Нет, ничего особенного. Пришло сообщение, что полиция очищает от травы посадочную дорожку на аэродроме. Может быть, готовятся к приезду начальства из Луанды.

— Было бы здорово, если бы во время обстрела удалось накрыть одного из португальских тузов.

— И будет совсем отлично, если вы снимете, — подхватил Мона и добавил уже по-русски, — как он кувыркается в тартарары.

— Не «кувыркается в тартарары», а, правильнее сказать, «полетит в тартарары».

— Но это не принципиально. Пусть полетит куда надо, только подальше.

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

21 июля. Пароль: Туга. Отзыв: Сбросим в море.

...Утром продолжали путь. Несколькими часами раньше ушла к форту группа «Муангаунга», которой командовал Котонду.

...К Каянде приблизились вскоре после полудня. Решили переждать некоторое время в лесочке, потому что время для съемки было не совсем подходящее — солнце стояло над головами. В 16.00 вышли к опушке леса. За ней лежало поле, и вдали, примерно в километре от нас, виднелись крыши зданий гарнизона.

Юрий Егоров покачал головой и скептически пожал плечами: «Конечно, снять можно и отсюда, если команданте Мона не может подвести нас поближе. Однако фильм очень проигрывает».

— Хорошо, пойдете,— решил рискнуть команданте.

Еще минут тридцать продирались по зарослям, пересекли лесную речушку, и, наконец, шедший впереди партизан предостерегающе поднял руку: внимание! Впереди гарнизон! Прямо перед нами возвышался большой термитник, метров семь в высоту. Мы выглянули из-за него и ахнули: до форта Каянда было рукой подать, метров двести пятьдесят—триста. Егоров стал втаскивать на площадку у самой вершины штатив, прикручивать камеру. Мы зацелкали своими фотоаппаратами. Раздалось стрекотание «Конвакса». Телеобъектив выхватывал то часового, разгуливающего на вышке, то развезжавшую по территории форта грузовую машину марки «мерседес», то беседующих и ничего не подозревавших португальцев. Шла съемка документального кино. Мы смотрели в бинокли и старались не упустить ни одной подробности, ни одной, пусть самой мелкой, детали. Отсняв все кассеты, двинулись в обратный путь.

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

22 июля. Пароль: Надежда. Отзыв: На победу.

Все без конца обсуждают перипетии разведки. А командир предстоящей операции сводит воедино принесенные группами сведения. Мы были уверены, что ближе нас к Каянде не подошла ни одна из групп. Но вот Килиманджаро порывлся в кармане

и протягивает какую-то пластмассовую крышечку: «Случайно не ваши товарищи обронили во время съемки с термитника?» Действительно, крышка от телеобъектива.

— Где нашел? — спрашиваем.

— На термитнике. Мы же на всякий случай засели впереди термитника метров пятьдесят ближе к гарнизону. Если бы туги заметили, что вы снимаете, и открыли огонь, то в нашу задачу входило прикрыть ваш отход.

Последней в лагерь вернулась группа команданте Котонду. Доложив о выполнении задания, он присел со мной у костра. Трепещущие ленты пламени извивались под обрубком ствола, примявшего раскаленные угли, и, отчаявшись овладеть им, медленно оладали, уступая пространство холодной ночной темноте. Котонду наклонился, прикурил от уголька, жадно затянулся.

— Полезна была разведка для наших гостей? — Котонду говорил, как всегда, медленно, почти напевно и обязательно смотрел во время разговора в лицо собеседника своими грустными, обрамленными большими ресницами глазами.

— Очень полезна и очень интересна, товарищ Котонду. А какие успехи у твоей группы?

— Мы тоже выполнили свое задание.

— Ты можешь что-нибудь рассказать?

— Да. Скажу такое, чего никто не знает.

— И даже тот, кто будет руководить операцией?

— Даже он.

— Почему же? Командир должен знать все.

— То, что я знаю, не принесет пользы операции.

— А почему не должен знать командир?

— Я узнал, потому что нарушил приказ командира.

— Какой приказ?

— Приказ не приближаться ближе ста метров.

— Куда же ты пробрался и что узнал?

— От нас до часового было двадцать метров, и я слышал пароль.

— Португальский пароль?

— Да. Пароль и отзыв.

— Можно будет нам написать об этом?

— Потом можно.

— Расскажи подробнее.

— Я подполз близко к вышке. Часовой стоял внизу. Пришла смена караула. Часовой сказал: «Стой! Жоан». Жоан — такой у них был пароль вчера. Второй сказал отзыв: «Агульба». У тугов наоборот, не так, как у нас. Наш часовой спрашивает пароль, а сам говорит отзыв.

— А потом что ты сделал?

— Потом смотрел в окно офицерского дома. Там у лампы сидел офицер в шортах и майке. Что-то писал. Очень просто можно было бросить в окно гранату.

— Тогда в гарнизоне поднялась бы паника.

— Конечно. Могла бы сорваться операция, которую мы готовим на двадцать шестое.

— Ты узнал, где находится офицерский дом, и вернулся?

— Да. Вернулся к товарищам, и кружным путем пошли сюда. Здесь я доложил командиру, как лучше установить миномет, чтобы попасть в жилище офицеров. Ну, а о пароле и отзыве промолчал. Про окошко — тоже.

Было бы очень любопытно, если кто-нибудь из португальских вояк прочитал бы эти строки. Наверняка в форте Каянда сохранился журнал караульной службы, где на странице, помеченной двадцать первым июля, зафиксирован пароль того дня. Пароль — «Жоан», отзыв — «Агулья».

Разведка окончилась успешно. Можно было выходить на операцию по обстрелу.

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

23 июля. Пароль: Партизаны. Отзыв: Атакуют.

Наконец-то пришла группа ДП. Их ждали давно. Еще когда выходили с перевалочной базы в поход, то договорились с оставшимися на границе товарищами, что через несколько дней они пошлют с этой группой несколько тюков с боеприпасами, а также постараются доставить кое-какие продукты.

По расчетам, приход ДП ожидали самое позднее 20 июля, но миновал назначенный срок, а их все не было. Руководство отрядом терялось в догадках, что могло произойти. И сегодня, когда на тропинке показалась цепочка людей, несших на головах объемистую поклажу, комиссар, первый заметивший их, облегченно вздохнул.

Оказалось, группа вынуждена была задержаться у Замбези. Едва они подошли к реке и уже вытянули из тайника каноэ, как услышали шум вертолета. Сначала показался один вертолет и стал делать большие круги над местом переправы. Минут через пятнадцать к нему присоединился второй. Португальцы висели в небе до наступления темноты. Временами по одному улетали куда-то на запад, вероятно, на заправку, но неизменно возвращались к переправе.

Надо сказать, что товарищи из группы ДП во время переноски материалов, продуктов, обмундирования подвергаются такой же, если не большей, опасности, как и партизанские отряды. Все-таки ДП вооружены значительно хуже партизан и фактически не в состоянии оказывать серьезное сопротивление португальским отрядам.

Один из ДП рассказал мне историю, которая случилась с его дядей. Однажды группа жителей деревни, расположенной в районе Куандо, помогала партизанам перебрасывать обмундирование в один из центров революционного обучения (СИР), а также учебники и тетради для детей. Крестьяне на базе связали в тюки груз, старший группы взял список полученных вещей, и они пошли. На второй день перед наступлением темноты носильщики стали пересекать большое поле. В это время сзади послышался окрик: «Стой!» Носильщики оглянулись и увидели метрах в ста пятьдесят вооруженных людей. Они знали, что их разделяет болото и что если они побегут, то смогут уйти. С тюками на головах они побежали через поле. Кто-то из незнакомцев крикнул: «Что вы бежите, мы же свои, товарищи!» Носильщики в нерешительности остановились. Преследователи воспользовались их замешательством, приблизились и наставили на них автоматы. Это были африканцы, но не честные ангольцы, а предатели своего народа, находившиеся на службе у португальцев. Как только носильщиков окружили, из леса вышел португальский патруль, обыскал крестьян и у старшего группы обнаружил в кармане рубашки список с перечнем содержимого тюков.

Тут же на месте португальцы принялись «допрашивать» крестьян. Они повалили их на землю, били сапогами, топтали лица, требуя сказать, где расположен СИР. Крестьяне молчали. Тогда португальцы связали им руки, повели в лес, где находились другие, ранее захваченные мирные жители. Затем «пленных» разделили на две группы, одну повели в португальский гарнизон, а вторую — в ближайшую деревню, которая была под контролем португальцев.

«Пленным» второй группы повезло. Ночью на деревню совершили нападение партизаны. Трех вражеских солдат убили, остальные обратились в бегство. Пленных освободили. Первую же группу португальцы доставили в гарнизон. Там в течение суток над ними измывались, применяя бесчеловечные пытки. На второй день пятерых носильщиков португальские солдаты привязали к обугленным пням деревьев, отошли на несколько десятков метров и стали стрелять по живым мишеням.

Это произошло 12 сентября прошлого года. Имена расстрелянных крестьян — Сандало, Савиемба, Сантумба Микоти, Сакуанса, Мутаньяника.

Случай, о котором здесь рассказано, не единичен. Вот почему руководитель направлявшейся к нам группы ДП имел твердые инструкции от командования партизан никоим образом не раскрывать своего присутствия и не рисковать без нужды. ДП должны были выполнить задачу: доставить в целостности и сохранности груз с боеприпасами в наш отряд.

Поздно вечером вертолеты улетели, но ДП решили подождать утра. Однако на рассвете опять появились португальские вертолеты. И повторилась в точности картина предыдущего дня. Значит, португальцам стало известно о движении группы.

— Какие были вертолеты? — спросил команданте.

— Маленькие, не те, что перевозят десантников.

— Это, наверно, из последних поставок, что португальцы получили от Западной Германии, — пояснил нам команданте.

В нашей печати неоднократно сообщалось о той военной помощи, которую оказывают страны НАТО фашистской Португалии. Среди оружия, захваченного партизанами МПЛА у противника, можно встретить западногерманские, испанские, английские и американские автоматы, базуки, пистолеты. Но не только стрелковое вооружение поставляют Португалии ее империалистические союзники. США, например, за последние годы передали португальской армии около пятидесяти бомбардировщиков, среди них двадцать типа «В-26» и около двадцати «Локхид», примерно полсотни истребителей «Тендерчиф», также используемых во время налетов на освобожденные районы страны.

ДП принесли почту для бойцов отряда. Вы не можете себе представить, с какой жадностью читали счастливицы письма, полученные из дома! Многие были датированы мартом-апрелем, а некоторые — прошлогодней давности. Регулярной почты у партизан не существует, и иногда письмо, написанное в глубине Анголы, прежде чем попасть к адресату, проходит замысловатый путь. В большинстве случаев его отправляют с оказией в одну из соседних с Анголой стран, оттуда шлют на заранее обусловленный адрес, потом вкладывают в новый конверт и посылают в один из центров МПЛА, где выясняют, в каком районе находится партизан, которому адресовано письмо, и снова ждут okazji, чтобы переправить бойцу весточку из дома. Довольно сложная и запутанная система, но иначе нельзя.

Товарищи, снаряжавшие ДП, ничего не забыли. Главное — прислали необходимое количество толовых шашек и взрывателей. Сейчас можно не беспокоиться в отношении взрыва мостов и устройства минных ловушек на дорогах вокруг португальского гарнизона. Саперы отряда любовно пересчитывали пакеты со взрывчаткой. Их командир радостно воскликнул: «Ну, теперь мы такой фейерверк устроим!»

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

24 июля. Пароль: Тугам. Отзыв: Будет капут.

Сегодня день начался несколько необычно. Утром мы проснулись не от условного посвиста, а от хорового пения. Сначала ничего не могли понять: кто поет, по какому поводу.

Выйдя из хижины, увидели такую картину. Невдалеке от плачущего дерева муфука стояли человек восемь ребятишек, а над ними склонился Паскаль Лувуалу, что-то с самым серьезным видом растолковывая. Потом Паскаль выпрямился, взмахнул рукой, сказал: «Раз, два, три!» — и ребята запели песню. На середине первого куплета Паскаль замахал руками, мальчишки замолкли, и «дирижер» стал опять что-то объяснять спокойным, чуть-чуть менторским тоном. Потом ребята снова запели. Было видно, что они разучивают какую-то новую для них песню.

После завтрака спросили Паскаля: «Товарищ Лувуалу, что вы там колдовали с ребятами?»

— Они попросили научить их петь песню о команданте Хэнда. С точки зрения воспитательной,— продолжал Паскаль,— очень важно, чтобы наши ребята знали все современные революционные песни. Я хочу даже посоветовать местному учителю, товарищу Браганса, после уроков задерживать ребят на несколько минут, не распускать по хижинам, а заниматься разучиванием песен.

Товарищ Паскаль из тех людей, которые, если что-то задумают, обязательно выполняют. И уже вечером я видел его разговаривающим с учителем. Слышались слова: «кансао», «кансао» — «песня». Потом они сели вдвоем за колченогий столик, и Паскаль на обрывках бумаги писал для Браганса слова ангольских революционных песен.

Школа соседней с нами деревни находилась неподалеку, метрах в трехстах от места расположения отряда, и мы были невольными свидетелями учебного процесса. Часов в семь утра группы ребят по три-четыре человека, держа под мышкой буквари и потрепанные тетрадки, шагали по направлению к навесу, под которым были установлены связанные из жердей скамейки и некое подобие столов. Учебники были написаны товарищами из МПЛА. Они в чем-то напоминали по своему содержанию наши буквари первых лет Советской власти. После азбуки там шли слова, рассказывающие об Анголе: Ангола — наша страна, мы ангольцы, наши отцы и братья воюют против колонизаторов, мы свободные люди и т. д. в таком же духе.

Учебники и тетради вместе с очередной партией боеприпасов носильщики из ДП и бойцы партизанских отрядов несут за десятка и сотни километров для детей многих кимбуса. В школе «нашей» деревни занимается человек тридцать ребят. Все они входят в пионерскую организацию МПЛА и очень любят петь хором «Гимн пионеров МПЛА» и песни о партизанах. В первый день после прихода в деревню я спросил одного мальчишку: «Что тебе нравится в школе?» «Мне все нравится,— ответил мальчуган,— только не нравится писать мелом на доске». Я сначала не понял, почему, пока не побывал в школе. Привычная для нас черная классная доска отсутствовала, и вместо нее висела сухая коровья шкура. Писать на ней куском известки необычайно трудно. Но что поделаешь, если в стране идет война. И дети понимают это. Нельзя было без волнения смотреть, как, по традиции, после окончания уроков школьники торжественно вставали и, подняв правые руки со сжатыми кулачками, хором произносили: «А виториа э серта!» — «Победа неизбежна!»

Ребята в школе разных возрастов — от шести и примерно до 13—14 лет. Программа одна, все они постигают основы письма, учатся считать и читать. Нужно сказать, что до освобождения в этом районе не было ни одной школы и поголовно все население было неграмотным. А когда руководство МПЛА назначило Браганса учителем, то сначала ему пришлось провести очень большую подготовительную работу среди мам и пап. И довольно долго скамейки под навесом стояли пустые.

Паскаль рассказал, что такое положение складывалось и в других деревнях. Тогда руководство МПЛА провело специальное совещание, на котором единственным пунктом повестки дня стоял вопрос: как же поступать дальше? Кому-то пришла в голову счастливая мысль — приобрести для школьников форму и объявить жителям, что каждый, кто пошлет своего ребенка в школу, получит для него одежду. И вот сейчас в нашей кимбуса школьники одеты в темно-лиловые комбинезоны, коими несказанно гордятся. Сила «наглядной агитации» была столь велика, что сейчас все ребята школьного возраста посещают занятия.

Паскаль не успел закончить фразу, как рядом с нашей хижиной появилась группа мальчишек.

— Товарищ Паскаль,— сказал один из них,— ваше задание выполнили.

Я поинтересовался, какое задание Паскаль дал ребятам. Луваулу улыбнулся:

— Я сказал, что они должны вскопать небольшой участок для посадки маниоки. Если они выполняют задание в срок, то я научу их вырезать из доски от патронного ящика автомат «ППШ», который будет совсем как настоящий.

И через некоторое время можно было видеть Паскаля Лу-вуалу сидящим на пеньке в окружении ребят. В руках он держал доску от патронного ящика. Ловко орудуя острым ножом, мурлыча под нос какую-то песенку на французском языке, Паскаль «создавал автомат «ППШ». Ребята восторженными глазами смотрели на своего кумира.

А потом мы присутствовали на выступлении детского хора художественной самодеятельности кимбуса. Ребята пели песни, разученные после уроков с учителем. И нужно было видеть, с какой гордостью Паскаль поглядывал то на ребят, то на нас.

ДЕНЬ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

26 июля. Пароль: АНГИМО. Отзыв: Вместе.

Сейчас можно с полным основанием сказать, что задачу свою мы выполнили. Вернее, не задачу, а роль. Роль наблюдателей и летописцев. Задачу выполнял партизанский отряд, и если бы в практике МПЛА было принято ставить оценки бойцам и командирам, то скорее всего обстреливавшим форт Каянда можно было бы поставить пятерки.

Однако расскажу все по порядку. Уходя на операцию, каждый боец отряда четко представлял себе, что от него требуется во время обстрела вражеского гарнизона. Подытоженные сведения, полученные во время разведки 21 июля, позволили конкретизировать до мельчайших деталей весь план действий. Было известно подробное расположение построек в форте, время смены часовых на вышках, места, где находилась радиостанция, склад горючего, офицерская казарма и где у португальцев установлены два скорострельных орудия и пулеметы.

Эти данные представляли несомненную ценность, если учесть, что партизаны обладали очень ограниченным запасом боеприпасов и каждая мина, каждый патрон базуки должны были попасть точно в цель.

Руководство отрядом планировало ведение огня таким образом, чтобы не подвергать опасности мирных жителей прилегающей к форту Каянда кимбуса Суанандумба, дав населению возможность после первых же выстрелов покинуть деревню.

В 15.00 основная группа (в которой находилась и наша пятерка) достигла лесочка примерно в двух километрах от Каянды. Бойцы под командованием Котонду и Онса вышли с поста раньше нас часа на два и к 15.00, по всей вероятности, до-

стигли отведенных им позиций. В 17.00 минеры Онса взорвут мост на дороге между фортом Каянда и фортом Кавунгу, и это послужит сигналом к открытию огня по форту из всех видов оружия.

Руководитель операции сидит на поваленном стволе дерева и что-то пишет в блокноте. Пользуемся случаем и «замариваем червячка» очищенными клубнями сырой маниоки. Потом вряд ли выпадет свободная минутка. Назойливо жужжат москиты. Середина дня — их коронное время. В лесочке москитов тьма-тьмущая.

К команданте подходит партизан, посланный на рассвете к вражескому гарнизону вести наблюдение за зоной. Разведчик, вытянувшись по стойке «смирно», что-то возбужденно докладывает команданте, время от времени показывая рукой в направлении форта и позиции для съемок, облюбованной нами во время разведки.

Выслушав донесение, команданте отпускает бойца и направляется к нам. По его виду можно догадаться, что полученные известия не из приятных.

— Непредвиденные обстоятельства. Сейчас мне сообщили, что полицаи выжигают капин (траву) у термитника, с вершины которого вы собирались снимать обстрел форта. Их там около пятнадцати.

— Значит, операция отменяется?

— Нет. При любых обстоятельствах мы выполним задание командования. Только отложим начало операции до наступления темноты, когда полицаи уберутся в казарму.

— А как же съемка? В темноте на пленке ничего не получится.

— Можете снять взрыв моста и действия партизан при обстреле. Больше обещать ничего не могу. Перенос операции на другой день исключен.

Трудно передать наше состояние. Мы были переполнены злостью. На португальских прихвостней, так некстати задумавших жечь капин, на командование форта, приказавшее именно в эти часы очищать местность перед фортом, и даже (что греха таить) на Спартакуса Монимамбу, как будто он мог заранее предусмотреть любой неожиданный шаг со стороны неприятеля. Но, трезво рассуждая, нам ничего не оставалось, как покориться обстоятельствам и принять предложенный план действий.

...Семнадцать ноль-ноль. Солнце почти совсем закатилось за горизонт. Раздается глухой взрыв. Работа подрывников. Сейчас должны вступить в действие партизаны с базуками. Ждем минуту, две, три. В той стороне, где расположились бойцы с ПРС, тишина, зато из форта доносятся крики португальцев. Видимо,

там сыграли боевую тревогу. Однако партизаны по опыту знают, что враг не посмеет высунуть носа за пределы форта, опасаясь засад и не имея возможности в наступившей темноте вызвать на подмогу самолеты или вертолеты, — ночью португальцы в Анголе не летают. Тишина длится долго.

Обстрел гарнизона партизаны начали только в 21 час 30 минут. У одного из нас сохранилась магнитофонная пленка с записью операции Треск автоматных и пулеметных очередей, глухой звук вылетевшей мины, и через две-три секунды оглушительный разрыв ее. Крик: «АНГИМО!» — эта первая часть нашего пароля на сегодняшнюю ночь служит сейчас командой открыть огонь. Снова пулеметные очереди. Опять крик: «АНГИМО!» По голосу узнаем Мона. «Ангимо» означает «АНгола — ГИнея (Гвинея) — МОзамбик». Еще и еще разрывы мин. Затем далекий, почти звериный крик. Как потом рассказал Котонду, одна из мин попала в середину португальской казармы. Другая мина угодила в помещение радиостанции.

Вся операция длилась по часам ровно пять минут. Только под конец ее португальцы немного пришли в себя и произвели несколько беспорядочных выстрелов из скорострельной пушки, не причинивших никакого вреда партизанам.

ДЕНЬ СЕМНАДЦАТЫЙ

27 июля. Пароль: Да здравствует! Отзыв: Смерть Салазара.

Обычно после подобных партизанских налетов португальцы стремятся провести в ответ карательную операцию. На этот раз ни один вражеский самолет над нами не появился. Отсюда Монимамбу сделал вывод: повреждение, нанесенное прямым попаданием мины в радиостанцию, было настолько серьезным, что командование форта Каянда потеряло единственную возможность связаться со столицей Анголы Луандой, сообщить о случившемся и вызвать авиацию.

При подходе к лагерю всем преподнесли сюрприз. Завидев наш отряд, стоявший на посту часовой закричал: «Салазар мертв!» Это не был пароль на сегодняшний день. Действительно, по радио передали сообщение о том, что в ночь с 26 на 27 июля в Лиссабоне умер бывший диктатор Португалии Салазар. И было приятно, что взрывы партизанских мин в форте Каянда явились как бы салютом в честь такого события.

...Сегодня вечером наконец-то смог расспросить Котонду о его жите-бытье. Парнишка он необычайно стеснительный. Ни дать

ни взять черная девица. А партизаны рассказывают чудеса об отчаянном разведчике, о дерзких рейдах Котонду в тыл врага. Было бы непрослительно упустить возможность побеседовать с ним.

И вот мы сидим в хижине, Котонду рассказывает не торопясь. Я включил диктофон и молча слушаю, только иногда переспрашивая названия городов и деревень.

На первый взгляд может показаться совершенно неправдоподобным: год рождения — 1948-й, принимает участие в борьбе с 1960-го. С 12 лет человек ведет жизнь революционера.

Отца своего помнит плохо. Отец умер, когда парнишке пошел восьмой год, а каждая черточка лица матери врезалась в память, хотя не встречался с ней много лет. Наверно, мать сейчас еще жива, она не такая уж старая. Он не раз пытался выяснять у людей бунту — своего родного племени, не проходили ли они мимо такого-то кимбуса, и произносил название родной деревни. Но встречавшиеся ему на пути партизаны из племени бунту ничего не знали о такой деревне и, конечно, никогда не слышали имени матери Котонду.

На территории Анголы начало народно-освободительной войны отсчитывают с 4 февраля 1961 года. Однако это не означает, что до того времени в португальской колонии царили тишь и гладь. События в других африканских странах непосредственно отражались на жизни ангольского населения. Например, гражданская война в Конго, война против прислужников колонизаторов, затрагивала жителей ангольских территорий, примыкающих к бывшему бельгийскому Конго. Дело в том, что португальские власти всеми силами старались помочь ставленникам бельгийцев. Португальская военщина зверски уничтожала на территории Анголы всех конголезцев, которые бежали, спасаясь от преследования чомбовцев. Португальцы не щадили никого: ни женщин, ни детей. Пример тому история Котонду.

Одиннадцатилетнего мальчишку арестовывали два раза, подозревая, что он конголезец (Котонду носил густую, пышную шевелюру, в то время как мальчишки его деревни были коротко острижены). Первый раз Котонду арестовали, продержали двое суток, но отпустили, когда за ним пришла мать. Через несколько дней его арестовали вторично и посадили в подземелье полицейского управления. Две недели мальчик провел в темной, сырой яме. К счастью, среди охранников находился солдат-португалец по имени Фернандо, с которым Котонду раньше играл в футбол на деревенской площадке. На исходе четырнадцатых суток, когда заключенных вывели на пятиминутную прогулку, Фернандо подошел к нему и сказал: «Слушай, мальчишка, тебе

необходимо бежать отсюда. Есть приказ уничтожить всех заключенных конголезцев послезавтра вечером. Во время следующей прогулки я буду стоять на посту, ты не мешкай, перепрыгивай через колючую проволоку и лети куда глаза глядят. Только ни в коем случае не возвращайся в селение».

Котонду так и сделал. На другой день их снова вывели вечером на прогулку, и Котонду, когда надсмотрщик приказал возвращаться в подземелье, бросился к колючей проволоке, подлез под нее, и только его и видели.

Старший брат Котонду работал на железной дороге в одном конголезском городе, а от селения, где жил Котонду, до конголезской границы всего несколько часов пути. К счастью, Котонду никто не остановил по дороге. С трудом он нашел брата, и тот велел ему ехать в Элизабетвиль, потому что в то время в этом городе находился один из центров ангольской эмигрантской организации УПА, которая утверждала, что готовится начать борьбу за освобождение Анголы. Так в Конго стал одним «политическим эмигрантом» больше: к тысячам ангольцев прибавился 12-летний мальчуган по имени Котонду.

В это время в Элизабетвиле представителем УПА был некий Жоржи Алисерсис Ларенкин. Он вербовал добровольцев, желавших вступить в ряды УПА.

Казармой рекрутам УПА служил длинный мрачный барак на окраине Элизабетвиля. Вдоль стен — грубо сколоченные нары примерно для 80 мальчишек и юношей. Некоторые приехали сюда из Киншасы, другие раньше жили в пограничных с Анголой областях Конго, но большинство эмигрировало из самой Анголы, спасаясь от преследований португальских властей.

Когда Котонду освоился с обстановкой, то стал расспрашивать товарищей: «А что же мы будем делать дальше? Какие планы у наших руководителей?» Ребята ничего не знали, ребята отвечали: «Жоржи Ларенкин сказал, что, когда все наладится, когда соберется побольше народу, руководство УПА отправит всех за границу, где мы будем проходить военное обучение и политическую подготовку», «Ларенкин говорил, что все поедут в Соединенные Штаты, где нам дадут форму, начнут тренировать, а оттуда уже настоящими бойцами все вернутся в Анголу, чтобы вести борьбу».

Котонду было все равно, он не знал, где находятся Соединенные Штаты, дальше это или ближе его родной деревни. Он хотел одного: побыстрее начать сражаться. Но прошли три месяца, четыре, полгода, а обстановка в казарме продолжала оставаться такой же, как в первый день прибытия сюда Котонду. Правда, кое-какие перемены можно было заметить. Например, ухудшилось питание. Иногда рекруты по несколько дней сидели

голодными. В то же время руководители УПА, навещавшие рекрутов, подъезжали к казарме на шикарных машинах и говорили даже, что вечера они проводят в барах, тратя там колоссальные суммы, поступающие в адрес УПА неизвестно из каких источников.

Иногда Жоржи Ларенкин и его помощники приносили в казарму листовки, но это были листовки с каким-то странным текстом. Там не рассказывали о положении в Анголе, не разоблачали политику Португалии в колониях, а в основном призывали к борьбе с ...МПЛА. Там даже говорилось, что как только кто-нибудь из членов УПА выследит ангольца, принадлежащего к МПЛА, то должен сразу же уничтожить такого человека.

Ребятам не разрешали покидать казарму. Но мало-помалу им удалось обойти запрет. Сначала несколько человек утром, обманув бдительность дежурного надсмотрщика, ушли в город и вернулись в барак только вечером. У входа в казарму их задержали и стали допрашивать, где были, что делали. Ребята ответили: «Мы уже два дня ничего не ели. Пошли в город, надеясь что-нибудь заработать и купить продуктов». После этого случая старший из надсмотрщиков устроил совещание подчиненных, и они решили не препятствовать «бойцам УПА» добывать самим себе деньги на пропитание с одним условием, чтобы рекруты возвращались ночевать в казарму.

Ребята брались в Элизабетвиле за любую работу: носили ящики, чистили ботинки, убирали мусор, ждали у дверей магазинов, чтобы помочь донести покупки до дома. Котонду подружился с парнишкой по имени Зобе Мартинс. В казарме жил и двоюродный брат Котонду — Санги ду Пову. Трое ребят решили убежать из казармы. «Не может быть,— говорил Котонду,— что нет организации, которая по-настоящему ведет борьбу против португальцев. Я думаю, что нам говорят неправду об МПЛА». Побег прошел удачно.

С большим трудом мальчишки добрались до столицы Замбии, где находился центр МПЛА. Для Котонду и его друзей начались месяцы напряженной учебы. Им вручили оружие, выдали форму, и настал день, когда руководитель военной подготовки сказал: «Завтра мы уходим на территорию нашей страны, чтобы сражаться с врагом».

С тех пор воюет Котонду на ангольской земле. Он участвовал во многих сражениях и стычках с португальцами, на его счету несколько десятков уничтоженных врагов. Он готовил операции по обстрелу вражеских гарнизонов, засады на дорогах, подрывал португальские грузовики, мосты.

Котонду всего один раз был ранен. После лечения опять

принял командование партизанскими отрядами зоны. Вот и все, что рассказал команданте.

...Потом мы вышли из хижины и еще долго сидели у костра. Котонду улыбнулся и медленно, как всегда, произнес: «У меня есть одна мечта. Я никогда не был в Советском Союзе, но мне еще только 22 года, и надеюсь побывать в вашей стране».

ДЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

28 июля. Пароль: Всё. Отзыв: Принадлежит нам.

Завтра отправимся в обратный путь, а сегодня командование решило предоставить возможность бойцам отдохнуть после обстрела Каянды и ночного марша. (От Каянды до лагеря 40 километров.) Отдохнуть перед предстоящим переходом до границы. (Приблизительно 120 километров.) Мы, журналисты, восползовались тем, что весь отряд находится на месте, и спешили завершить сбор материалов для задуманных очерков, потому что в предыдущие дни редко когда удавалось довести до конца беседу с кем-либо из партизан: то бойца вызывали на построение, где он, получив задание, уходил в наряд на дальний пост и не появлялся несколько суток в лагере; то командира вызывали на очередное совещание, и записи в блокноте и на диктофоне оставались оборванными на полуслове. В своей программе мы запланировали ряд бесед, и на страницах блокнотов против подчеркнутых несколькими жирными чертами фамилий и военных кличек стояли пометки: «Побеседовать с перебежчиком», «Базадио — об учебе в Херсоне и советских друзьях», «Боевые эпизоды партизанки Серты». Мы рыскали по партизанскому лагерю и, заметив ранее облюбованную «жертву», деликатно набрасывались на нее, пригласив в свои хижинки, и заставляли «исповедаться», заполняя новыми и новыми записями редакционные блокноты.

Несмотря на титанические усилия, намеченную на 28 июля программу полностью выполнить не удалось: например, команданте — только с ним стали беседовать, как интервью прервали президенты «комитетов действия» из кимбусов соседней зоны. Люди добирались две недели до нашего лагеря. Прошли более 500 километров, и команданте обязан был выслушать все их просьбы, ответить на волнующие президентов вопросы.

На вечернее время рассчитывать не приходилось. Вечером намечалась особая программа: сегодня нашему кинооператору Владимиру Сергеевичу Комарову исполнилось 54 года. Дата, хо-

тя и не круглая, но, принимая во внимание, что советский человек редко отмечает свой день рождения в партизанском отряде в глубине африканских джунглей, решили отпраздновать это событие очень торжественно. Правда, Комаров четыре года назад свое 50-летие отметил в подобной же обстановке, находясь среди партизан Южного Вьетнама.

Вечер удался на славу. И секрет успеха заключался не в блюдах, приготовленных из свежезажаренного мяса антилопы, вареных кусков маниоки, красовавшихся в железных котелках на ящичках из-под пленки, и отнюдь не в бутылке, наполненной маниоковой самогонкой, а в той дружеской, я бы сказал, братской, обстановке праздника. Это же был прощальный ужин с нашими близкими товарищами, которых мы узнали и полюбили за три недели жизни на ангольской земле. Произносились очень теплые тосты за победу партизан МПЛА, за будущее Анголы и даже за еще не написанные нами репортажи и успех фильма, который пока представлял загадку со многими неизвестными. Ох уж этот фильм! Естественно, нас волнует, удалась ли съемки операции, не попала ли бракованная пленка, не села ли какая-нибудь пылинка на объектив киноаппарата в то время, когда операторы снимали переходы партизанского отряда.

Когда же были произнесены все тосты и сказано немало добрых слов в адрес юбиляра, началась художественная часть вечера: сначала прослушали «капустник», записанный на диктофон. Безусловно, во время перевода содержания «капустника» с русского на португальский язык отдельные крупички юмора терялись, но в основном смысл наши хозяева поняли. Потом стали петь песни: и ангольские и наши, советские, причем многие песни, исполнявшиеся на русском языке, были знакомы всем, и поэтому хор звучал весомо и солидно.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЫЙ

30 июля. Пароль: Африканцы. Отзыв: Едини.

С нашими операторами нельзя ничего поделывать. Как жалко, что мы не отправили вперед всю пленку вместе с уже отснятой! И у Комарова и у Егорова, оказывается, остались кое-какие запасы, и они то и дело задерживали движение отряда, упрямив командира остановиться «на минутку», чтобы снять красивый план, и еще и еще раз проходы бойцов через каменные плато, болота и реки. В конце концов нам надоело все время останавливаться и ждать, когда Егоров с Комаровым перестанут

нут мотаться взад-вперед со своими кинокамерами, и, оставив часть отряда с операторами, сами ушли вперед. Хотелось добраться до места ночевки пораньше, с тем чтобы на другой день встать еще до рассвета и попытаться добраться до границы 31 июля. Мы надеялись в тот же день, если будет транспорт, выехать в Лусаку.

Головная группа вошла на поляну, где стояли пять пустых хижин, уже когда солнце почти что скрылось за горизонтом. Товарищи быстро разожгли костры, мы стали развешивать мокрое обмундирование, кипятить воду для чая, но в это время услышали чей-то взволнованный голос: «Товарищи, товарищи, у кого есть бинт и йод?»

Все наши медикаменты мы оставили доктору Базадио. Однако на всякий случай в рюкзаке Егорова хранился неприкосновенный запас. Только как в темноте узнать егоровский рюкзак? И потом необходимо выяснить, что же произошло.

В это время по тропинке, ведущей к хижинам, показался быстро идущий Комаров, почему-то придерживающий правой рукой поднятую вверх левую. Оказалось, наш ветеран получил производственную травму. Желая снять какой-то кадр, как ему казалось, с наиболее выгодной точки, он ринулся через капин, отбрасывая в сторону жесткие стебли. Но с капином шутики плохи. Один из стеблей, как бритвой, разрезал в нескольких местах до кости два пальца на левой руке.

Кровотечение удалось кое-как остановить, залив раны каким-то клейким составом, подаренным нам еще в Лусаке советским доктором, и потратив на перевязку два индивидуальных пакета. Пострадавшего уложили спать в отдельной хижине, а сами, как обычно, еще долго сидели у костров, ведя неторопливые беседы.

Было далеко за полночь, когда к нашему костру подошла группа женщин. Одна из них что-то стала взволнованно говорить команданте. Потом в разговор включились и ее подруги, тоже принявшиеся в чем-то убеждать Спартакуса. Тот сначала ограничивался односложными замечаниями, а потом разразился длинной речью, из которой, конечно, мы не поняли ни слова, так как разговор шел на местном диалекте.

Часа через полтора дискуссия закончилась, и женщины ушли, явно недовольные итогом беседы. Мы спросили, что хотели от командира столь поздние посетительницы. Команданте даже прищелкнул от неудовольствия языком.

— Понимаете, все проблемы, проблемы. Одни уладишь, разрешишь, возникают другие, и так без конца. Конечно, я занимаю в руководстве МПЛА довольно высокий пост, но это не значит, что мне дано право отменять ранее принятые решения или

же по своему желанию вносить в них какие-то коррективы. Эти женщины живут в кимбуса, который расположен примерно километрах в шести отсюда. Так вот, было принято руководством МПЛА решение перевести Серту, отвечающую за работу среди женщин, отсюда в другой сектор. Здесь под ее руководством женские организации кимбуса превратились в большую силу. И вообще за то время, что Серта здесь находилась, она сумела сплотить вокруг себя много активисток, и некоторые из них вполне достойны занять сейчас ее место. Серту же мы перекладываем на отсталый участок. Эти женщины узнали, что Серта от них уходит, и пришли просить меня отменить принятое решение или же,— команданте засмеялся,— отправить всех их вместе с Сертой в новый сектор. Конечно, я не мог удовлетворить их желание, и, конечно, они ушли с большой обидой на команданте.

Сидевший рядом с нами молодой ДП добавил:

— Я знаю, кто заварил среди женщин всю эту кашу. Это моя теща, та самая, которая первой стала наступать на команданте и требовать, чтобы он оставил Серту. Я не видел ее целый месяц и немного отвык от характера старухи.

— Как же так? — спросили мы.— Не видел целый месяц свою тещу и даже не поздоровался, когда она подошла!

ДП смутился, а сидевшие вокруг партизаны стали так смеяться, что чуть-чуть не попадали с чурбаков на землю. Мы не понимали причин столь бурного веселья.

— Хватит, хватит, товарищи,— старался успокоить развеселившихся партизан команданте.— Ведь советские друзья не знают многих наших обычаев, и поэтому нечего смеяться над их вопросами. Видите ли,— пояснил он,— у здешних племен существует один очень интересный обычай: если парень женится на какой-нибудь девушке и у той есть мать, то после свадьбы зять уже никогда больше не имеет права разговаривать с тещей, и теща не имеет права разговаривать с зятем. Они не имеют права называть друг друга по имени, даже если живут в одной хижине. Они при встрече не должны смотреть друг на друга, а проходить мимо, скромно отводя взор в сторону. Не знаю, как у вас, есть ли такой обычай, а здесь он, несомненно, очень полезен и способствует укреплению молодой семьи. При такой ситуации добрая половина споров лишается необходимой для их возникновения благоприятной почвы. МПЛА борется против многих предрассудков и вредных обычаев, но эту традицию мы думаем сохранить и после нашей окончательной победы. Правда, многие представительницы прекрасного пола, особенно те, кто остер на язык, хотели бы в комплекс по проведению эмансипации ангольских женщин включить пункт о ликвидации запрета—раз-

говора тещи с зятем. Видимо, вопрос придется решать всеобщим референдумом.

— Что такое референдум? — спросил молодой ДП.

— Это когда не отдается приказ, а спрашивают у каждого, кто за это предложение, а кто — против.

— По-моему,— горячо произнес ДП,— надо все оставить по-старому. Когда будут проводить этот самый референдум, я только так стану голосовать.

— А ты, команданте?

Он пожал плечами.

— Я посмотрю, пока я еще не женат; у меня, правда, есть невеста, очень хорошая девушка, но я не знаком со своей тещей. Я посмотрю,— еще раз с серьезным видом повторил команданте.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

31 июля. Пароль: Союз. Отзыв: С советскими людьми.

Сегодняшний день — последний. Последние сутки пребывания группы на ангольской земле. Еще один бросок — и завершим поход. А там каждый новый час приближает свидание с родной землей, с Москвой, с товарищами. Именно поэтому у всех было отличное настроение, несмотря на трудности минувшей ночи.

Досталось нам той ночью с 30 на 31 июля! Прикинув вечером свои возможности, решили вчера идти как можно дальше. И так уж пришлось, что в крошечной темноте вынуждены были перебираться через очередное, на этот раз последнее, болото. Фонарики выхватывали из темноты еле приметную тропку, мы медленно двигались вслед за Дизабу. На опушке лесочка он остановился и показал рукой на слабо мерцавшие вдали огоньки.

— Ребята уже разожгли костры. Минут через десять мы присоединимся к ним,— сказал командир и бодро двинулся вперед. Не успел Дизабу пройти и пяти метров, как куда-то провалился

— Осторожнее, друзья,— послышался его голос.— Я попал в яму. В ней полно воды.

Оцупывая ногами почву, прежде чем сделать очередной шаг, мы двинулись на голос и увидели, что Дизабу стоит по пояс в мутной жиже. Общими усилиями командир был вытащен на кочку.

— Это что же, тропа такая? — спросил Юрий Егоров, и в голосе явно звучало сомнение.

— Да нет, я не уверен,— ответил Дизабу.— Проводники уже сидят там, у костров, но раз они не волнуются, значит, здесь можно перейти на другую сторону.

— Да,— пробурчал Комаров,— веселенькое дело. Мне кажется, что и за тридцать минут не доберемся до места ночлега.

Его слова оказались пророческими. Потребовалось около часа, чтобы преодолеть эти полтора километра. Хуже всего то, что грунт под водой был, собственно говоря, не грунт, а какая-то вязкая масса, и если человек останавливался хотя бы на несколько секунд, то его начинало медленно затягивать.

Но, как бы то ни было, огоньки костров становились все ближе и ближе. На берег все вылезли довольно измотанные и, конечно, покрытые вонючей грязью с головы до ног.

После такого перехода остаток ночи провели не очень-то уютно, но все рано утром встали в отличном расположении духа.

На рассвете отряд догнала группа разведчиков, вышедших из Центра революционной подготовки почти на полсуток позже нас. Разведчики смогли собрать кое-какие сведения о потерях, понесенных португальцами от обстрела гарнизона 26 июля. Португальскому командованию пришлось послать два вертолета, чтобы вывезти трупы убитых солдат, офицеров и эвакуировавших раненых. Все гражданское население кимбуса, прилегавшего к Каянде, разбежалось. По сведениям группы крестьян, которые пришли в партизанский отряд, противник принял решение полностью эвакуировать Каянду, разрушив все укрепления и уничтожив склады. Таким образом, после обстрела форт Каянда прекратил свое существование.

...Оставалось каких-нибудь двадцать километров до границы с Замбией. Суший пустык. Шесть часов хорошего хода. Партизаны растянулись цепочкой, наверное, на целый километр. Здесь можно было не опасаться нежелательных встреч, и если какой-нибудь португальский лазутчик и заметил бы передвижение отряда, то это не принесло бы нам вреда.

Во время одного из привалов мы договорились сфотографироваться на память у самой границы. Кто первый подойдет к просеке, отделявшей территорию Замбии от ангольской земли, должен остановиться и подождать остальных.

Последние километры наша журналистско-операторская братия опять распалась на составные звенья, потому что Комаров и Егоров «добывали» оставшуюся пленку.

Мы вышли на какую-то поляну, и шагавший впереди партизан вдруг остановился и наклонился над тропинкой.

— Идите-ка сюда, товарищи, посмотрите, такого зверя вы, наверное, не видели?

На тропе, забавно шевеля глазами, сидел хамелеон. Кто-то предложил:

— А что, если связать лукошко из лыка и забрать его с собой?

— Зачем? — удивился партизан.

— Как зачем? Отвезем в Москву.

Пока мы обсуждали эту проблему, хамелеон вдруг зашевелил лапами и скрылся в норке под какой-то камень.

— Может быть, еще встретим по дороге, так я вам поймаю,— успокоил нас боец,— а пока давайте прибавим шаг.

— Давайте,— согласились мы, хотя время было не совсем подходящее для форсированного марша: солнце стояло почти что над самой головой.

Минут через двадцать поинтересовались:

— А скоро ли граница?

— Какая граница? — удивился партизан.

— Как какая граница? Граница Анголы с Замбией.

— Так на том месте, где сидел хамелеон, и была граница, а сейчас мы уже на замбийской земле.

Велика была наша досада: ждали момента перехода границы, у каждого в фотоаппаратах припасено по несколько кадров для такого торжественного момента, и вот тебе на. Главное событие дня прозевали.

Вы не представляете, какое холодное презрение прочли мы потом во взорах шедших сзади операторов. Но поступившее предложение вернуться и исправить ошибку было воспринято как насмешка над лучшими чувствами представителей кино и прессы. Дизабу спросил, почему так набросились на собкора газеты «Правда» (главного виновника допущенной ошибки). И когда ему рассказали о сути дела, то команданте никак не мог уразуметь, зачем понадобилось делать снимок именно в том месте. «Можете сняться вместе на любой поляне: здесь же нет ни пограничных столбов, ни пограничной нейтральной полосы». Пришлось разъяснить, что на журналистском жаргоне это называется «клювкой» и что мы не можем пойти на подобную фальсификацию. Когда страсти улеглись, Дизабу заметил: «На этот раз вы не записали пароль. Сейчас он уже недействителен, но все же с ноль-ноль минут 31 июля и до момента перехода границы пароль существовал. Запомните пароль: «Унидади». Отзыв: «Кон советикос». Это в честь вас, наших друзей.

По-русски это звучало: «Союз с советскими людьми». Честное слово, мы были очень взволнованы таким трогательным

вниманием к нам. Этот пароль был как бы последним штрихом, подчеркивавшим наши необычайно дружеские, теплые отношения с боевыми ангольскими друзьями.

«Союз с советскими людьми!» Это не просто слова, не просто декларация. За короткий срок, за те двадцать одни сутки, проведенные на ангольской земле, мы каждый день, каждый час, все время ощущали, что рядом с нами искренние, настоящие, большие друзья, друзья нашей страны.

У нас бытует еще с военных времен выражение: «С таким товарищем я бы пошел в разведку». Так вот, мы провели три недели с партизанским отрядом. Разные характеры, разные темпераменты, разная степень подготовки была у командиров, комиссаров, бойцов. Спроси любого из нас о любом из ангольских товарищей, и мы о каждом ответили бы: «С ним я пошел бы в разведку». Пошли бы, не раздумывая ни одного мгновения, потому что они были и остаются для нас людьми с большой буквы.

Настоящими, искренними, боевыми друзьями.

Олег Константинович Игнатьев
НА ЗАПАДЕ ОТ ЗАМБЕЗИ

Редактор — **П. А. КРАВЧЕНКО.**

Технический редактор **Я. М. Борисов.**

Сдано в набор 29/VI 1971 г. А 00596. Подписано к печати 25/VIII 1971 г.
Формат бум. 70×108^{1/32}. Объем 2,10 условн. печ. л. 2,83 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 1802. Заказ № 1568.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

**ПРИБРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕИ!**

В нашей стране ежегодно издается громадное количество книг самого различного содержания. Только в Российской Федерации в прошлом году было выпущено 47 130 книг и брошюр общим тиражом 1 миллиард 5 миллионов 184 тысячи экземпляров.

● Довести это колоссальное книжное богатство до широких слоев городского и сельского населения возможно лишь при активном участии общественности и самих книголюбов. Хорошей формой массового вовлечения их в эту работу служит книжная лотерея, проводимая Комитетом по печати при Совете Министров РСФСР с марта 1965 года.

● Книжная лотерея проводится исключительно в интересах советских читателей. Ее отличительная особенность состоит в том, что она постоянно действующая. В соответствии с утвержденным положением ежегодно проводится по 4 выпуска лотереи, общая сумма которых составляет 20 миллионов рублей. Для этого изготавливается 80 миллионов лотерейных билетов достоинством в 25 копеек.

● В каждом выпуске 6 миллионов 900 тысяч выигрышей на 4,5 миллиона рублей: выигрыши в 50 копеек, 1 рубль, 3 рубля и 5 рублей. Общая сумма выигрышей составляет 90 процентов к стоимости всех реализованных билетов.

● Вторая, не менее важная особенность книжной лотереи состоит в том, что у нее нет тиражей. Выигрыши заранее заложены в опечатанном билете. Каждый обладатель «счастливого билета» может отоварить его на месте, или в любом другом книжном магазине, или в киоске в течение всего срока действия данного лотерейного билета. Иными словами, читателю предоставлено право самому выбрать любую книгу или, скажем, эстамп, альбом для марок или набор художественных открыток.

ТОВАРИЩИ! ПРИБРЕТАЙТЕ БИЛЕТЫ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ЛОТЕРЕИ!